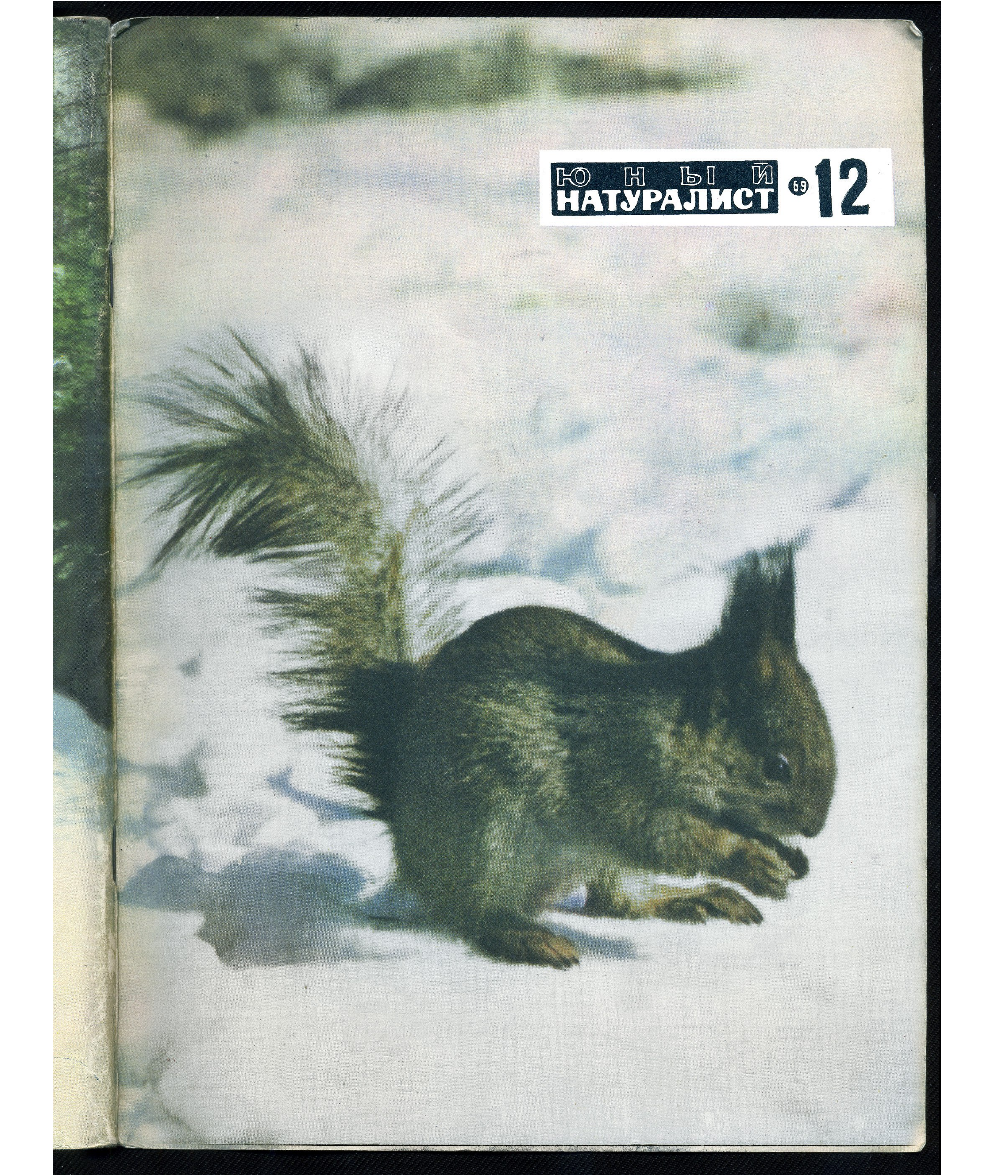

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
69
12

«ЗИМА»

Гравюра А. Жабина.

Владимир
ЦЫБИН

БЕЛОЕ ВРЕМЯ

Больше всего я люблю встречать зимой возы с сеном. Возы издали похожи на копны сена, плывущие по полноводной реке. Я выбегаю навстречу отцовскому возу и, держась за длинное кнутовище, изо всех сил стараюсь взобраться на телегу. Ноги мои скользят по сену, и я никак не могу взобраться.

— Ты чего? — смеется отец. — Главное — надо сразу, с разбегу.

И вот я на возу и вижу весь наш край — от мельницы, над которой зависла мучная пыльца, до пекарни. Вижу, как вслед за нами остается на дороге тонкая зеленовато-желтая дорожка рассыпанного тряской сена. На возу высоко, тряско — благодать! И укачивает, как на пароме. Меня издали видят все мальчишки, и им, конечно, завидно.

Нет, кажется, на земле тоньше и пряней запаха сена, присыпанного слегка снежным морозцем, — запах нежный, клеверный, вьюжный. И в этот настой свежего, сухого запаха прошлогодней травы подмешаны влажно-терпкий дух полыни, благородный, сладостный запах вики, перебиваемый морозно-свежим запахом еще не слежавшегося снега.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 69 12
Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

Так пахнет только сельская зима возле скирд, возле забытых в лотках стогов. А еще так пахнет дорога, усыпанная кучками упавшего с возов сена. Это запах вечного, нескончаемого детства, запах одновременно зимы и лета.

По утрам выпадают вязкие холода, днем они отмякают над затвердевшим снегом, кое-где, особенно возле воды, снег покрыт тонкой блестящей корочкой, и, когда с дальней опушки заснежит поземка, снежинки, как перекати-поле, катятся по этой корочке, и кажется, что вот так же движется время, скользя, не останавливаясь движется по декабрьским снегам время. Белое время.

Вот уже отвьюжило в сумеречных январских снегах. В редкую полуденную оттепель, которая в этот год почему-то пришлась на январь, видишь верхние ветки березы, покрытые синеватым налетом тальцы. С березовых макушек свалило снег так, что видны прошлогодние гнезда. Только внизу, где разветье увесистей и раскидистей, белые густые гребешки на ветках.

Я никогда не разорял птичьих гнезд. Пожалуй, это единственное из моих достоинств, которое я помню из поры своего мальчишества. Мне не нравились мои сверстники, вытаскивающие яйца ласточек из гнезд и ради этого карабкавшиеся на крутой откос. Они доставали яйца диких голубей, пеночек, славок, а потом разбивали их о камни. Не нравилась бессмысленная их жестокость.

Но однажды и меня захватила эта страсть. Не помню, кто из взрослых как-то сказал:

— А вы видели снегириные яйца? Они твердые, как алмаз, потому что снегири откладывают их в снегу. Редко кто их находит. А кто найдет, тому целый год будет везение во всем. Яйца эти маленькие, как горошины, и белые-белые, как лед. Обыкновенно снегири их откладывают в волчий или лисий след.

С тех пор я не знал покоя. Мной овладела мечта найти хоть бы одно снегириное яйцо. Я обходил все тальники, заглядывал под каждый пень, изучал каждую лунку, а если находил какой-либо следок, то с замиранием сердца разгребал его, но, ничего не найдя, возвращался домой расстроенный.

Ночами мне заманчиво снилось снегириное яйцо, почему-то белое-белое, с крохотным красноватым пятнышком на макушке. Я его находил быстро и сразу же становился удачливым, а удачливым мне хотелось во как быть!

О том, что я ищу, я никому не говорил, отчасти стесняясь, а отчасти оттого, что мне хотелось иметь свою, особую тайну... Конечно, я снегириного яйца не нашел, а потом узнал, что все о моей тайне догадываются и даже подсмеиваются.

Но все равно, что бы ни было, до сей поры в глубине своей души я хочу, как тогда в детстве, вопреки очевидности когда-нибудь найти свое, то самое снегириное яйцо с тонкой красной точкой на заострении макушки, чтобы оно светилось на ладони, как лампочка, сияло само и было твердым, как алмаз, потому что все снегириные яйца должны быть именно такими...

Мне дороже всего картина, когда деревья усыпаны густым снежным инеем. Мне всегда хотелось подойти к ним и потрясти их. Иголки инея на кончиках веток сначала понемногу, а потом крупными хлопьями сыплются на тебя, на лицо, на воротник, на плечи. И столько этого инея, что становится на мгновение так бело, что кажется, будто зажжено новое ослепительное солнце.

И вспоминаешь, что вот так летели по июню нежная цветочная пыльца и летучий пух одуванчиков. Я подставляю ладони, и на них падают колкие кристаллики инея, только захочу сдунуть их, как когда-то сдувал одуванчиковые пушинки, а их уже нет на ладони... Остаются в руке лишь прощальные слезы инея, а его самого давно уже нет.

Сверху, с холма, деревья, особенно березы и пихта, кажутся большими летними одуванчиками. Так и чудится, что, чуть дунет ветер, весело полетят маленькие белые парашютики, полетят, закружатся продувные пушинки, словно это начало июня.

В застывшей, обледенелой, занесенной снегами тишине — только долго-долго вслушайся — услышишь грузный шелест намокшей листвы, сухое потрескивание дрозда, жужжание стрекоз, всплеск волны на перекате, хозяйственный шаг человека.

Вот почему зимняя тишина никогда не напоминает об одиночестве, все, что жило, радовалось, двигалось, летело, текло, запечатлелось в ней на года.

Я глухо понимаю внутреннюю родственность явлений — падают падучие ночные звезды точно так, как падают обледеневшие декабрьские снежинки. Вот почему мне когда-то казалось, что где-то должны быть насыпи упавших звезд — белые, игластые, светящиеся морозно и чисто.

Кажется, вечно падает снег на поле. Который это снег по счету? Десятый? Или сороковой? Вот он улегся хрусткими ломтиками на ясене и затрепетал нежно и окрыленно, задышал, чуть-чуть тепловатый.

А мне думается: «Какая же у снега душа?» Душа снега легкая, чистая, трепетная. И слушают эту прозрачную душу все поля зимней России.

Необычное чувство охватывает тебя где-нибудь возле лесного никогда не замерзающего ключа, словно ничего и не изменилось, словно где-то рядом должны быть водоросли, тонкая, еще не окрепшая травка, просторный запах влажного лиственного тлена.

Постоишь, послушаешь и пойдешь по земле, как по лету, и будет казаться, что сейчас тебя окликнет какое-то дерево. Ты пойдешь мимо него, а оно окликнет по имени.

А ты сможешь? Вот старики из лесничих, те дают любимым деревьям имена. Они так и помнят каждый ключ, каждую сосенку, каждую приметную березу или просто поляну — по имени.

Голые февральские деревья. Снег тут же у стволов ссыпан, и лес просматривается насквозь: видны между мокрых черных ветвей черные гнезда. Гнезда эти без птиц.

Так, наверно, в войну выглядели покинутые деревни.

Первою — пройдет время — будет зеленеть молодая поросль: у нее особая чуткость детей, ждущих праздника.

БЕЛЫЕ БАБОЧКИ КАРАКУМОВ

Необычное путешествие совершили Эдуард Назаров и Владимир Таланов. На колесных яхтах пересекли они Каракумы.

Сегодня мы печатаем отрывки из их походного дневника.

Светлая двойная лента дороги пересекла серо-желтую равнину и затерялась в жарком мареве расплывшегося горизонта. Мрачная туча тяжело ворочается на северо-западе. Дождя не будет. Такого счастья здесь не дождешься. Зато шквалами налетает оттуда ветер, поднимает облака и весело подталкивает наши яхты. Порыв... и еще километр-два отмерили колеса. Ветер горячий, как из мартена. Земля словно раскаленная плита. Не присядешь. Все мертво вокруг. Даже мухи не увидишь.

В горле — сухая корка. Безуспешно пытаешься спрятаться в узкую тень от паруса.

Но время идет. Солнце опустилось к пыльному горизонту. Спала жара. И пустыня ожила. Деловитые муравьишки проложили дорожку между кустиками полыни и кандыма, бегут, точно черный ручеек течет. А рядом два жучка-толстячка, черных, круглых как горошина, затеяли игру в салочки — топочут тоненькими ножками, толкаются, кружатся... Доигрались... Свалились прямо на муравьиную дорогу.

Слабенький ветерок неторопливо катит нас все дальше. Трах! Правое колесо провалилось в глубокую нору. А вот и хозяйка. Шагах в десяти от нас высунулась из норы, лапки на груди сложила. «Пи-пи-пи-пи...», на каждое «пи» кланяется. Песчанка. Да тут у них целый город! Скорей, скорей дальше!

Солнце уж совсем низко. Ну вот тут, на взгорке, можно и заночевать. Теперь успеть бы до темноты приготовить ужин. А не то на огонь придут незваные гости, всю ночь будут бродить по лагерю, а утром спрячутся под вещами. И начнется... То тут, то там будем натыкаться на тарантулов и фаланг. Публика эта вообще-то мирная, но неприятная.

Когда у нас была палатка, в нее набегало множество тарантулов. Мы к ним даже привыкли. Они скромно сидели в уголках и ловили комаров. А теперь вот спим на разостланном парусе — дверей нет, входи кто хочет.

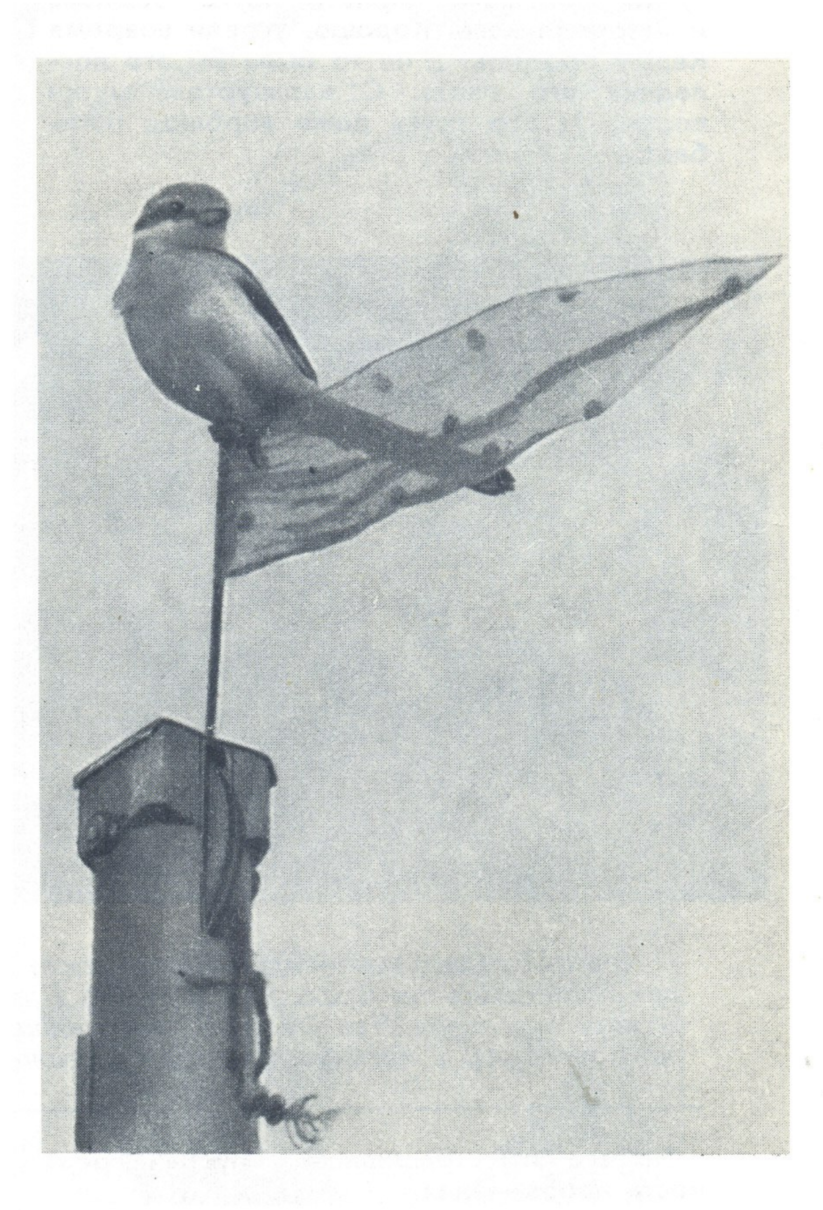
Кизячный дымок туманом стелется по кустикам. С басовитым жужжанием проносятся над нами черные копры и скарабеи. И все в одном направлении. Торопятся. У них свои заботы: готовить из навоза шары или тем же навозом норки набивать — это и дом и пища для потомства.

Наши спутники тоже ожили после дневной жары. Кешка, тощий серый котенок, сосредоточенно копает ямку у колючего сюзерена. Два сорокопута уселись на макушке мачт и орут не переставая. А... ну ясно! На сюзерене сидит желторотый сорокопутенок. Родители кричат: «Сиди смирно! Враг рядом!» Вот он и замер, только хвостик подрагивает да глаза от страха часто моргают. А Кешка не реагирует. Охотиться он пойдет позже. Кого уж он там находит, но к утру животик у него будет как барабан.

В свой бесконечный поход пошла Тортилла — солидная черепаха с физиономией доброй бабы-яги. На самом краешке панциря у нее маленькая дырочка, в дырочку продета леска и привязана к колышку. Тортилла важно шагает все вперед и вперед по «круговой орбите» — эдакая ходячая миска, перевернутая вверх дном, — и только голова всегда торчит вверх.

В корзинке возится ежик Тишка — ушастый, длинноногий и длинноносый. Проголодался. Весь день спал, теперь до утра будет шуметь. Однажды ночью он прибежал к нашему костру, испугался, влетел в палатку и долго пыхтел и фыркал в углу. Он едет с нами в персональной корзине и ест ящериц, жуков, кузнечиков — все, что нам удается поймать для него. Отсутствием аппетита он не страдает.

Багровое, совсем не яркое солнце торопливо протискивается сквозь слой пыли у горизонта и прячется до утра. Сумерки короткие. Скоро будет совсем темно. Над головой мелькнула длинная тень — тело узкое, крылья как две косы. Мелькнула и скрылась в кустах совсем недалеко от нас. И тотчас оттуда полилась непрерывная колеблющаяся трель козодоя.

Сорокопут маленький, но дерзкий хищник. Неприятный сосед для птичьей мелюзги. А ведь на вид совсем безобидная птаха и величиной не больше снегиря.

Пора залезать в спальный мешок. Нет, в мешке жарко. Эдик накрывается парусом. Потянул его на себя, а из него вывалилась змея. Раз... и свернулась клубочком и боком, боком по парусу скользит.

«Вова, змея!» Вову из мешка будто пружиной выкинуло.

Зажгли спичку — маленький безобидный полоз.

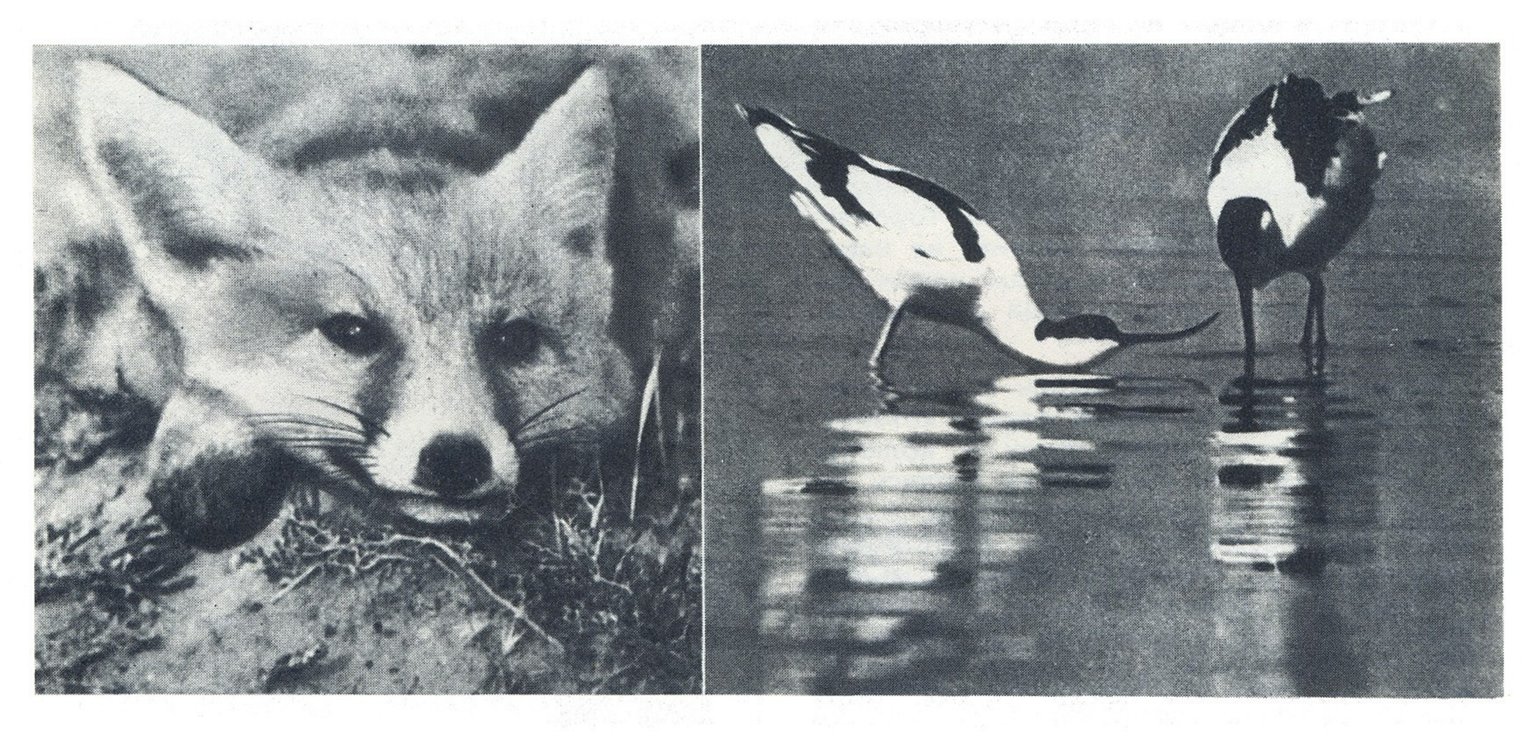
А то однажды Эдик дрова собирал и ухватил за хвост змею — думал, ветка песком засыпана. Я ее потом откопал и держал, пока фотографировали. Всем хотелось иметь ее портрет. Но автографов брать не захотели, потому что змея оказалась страшной эфой.

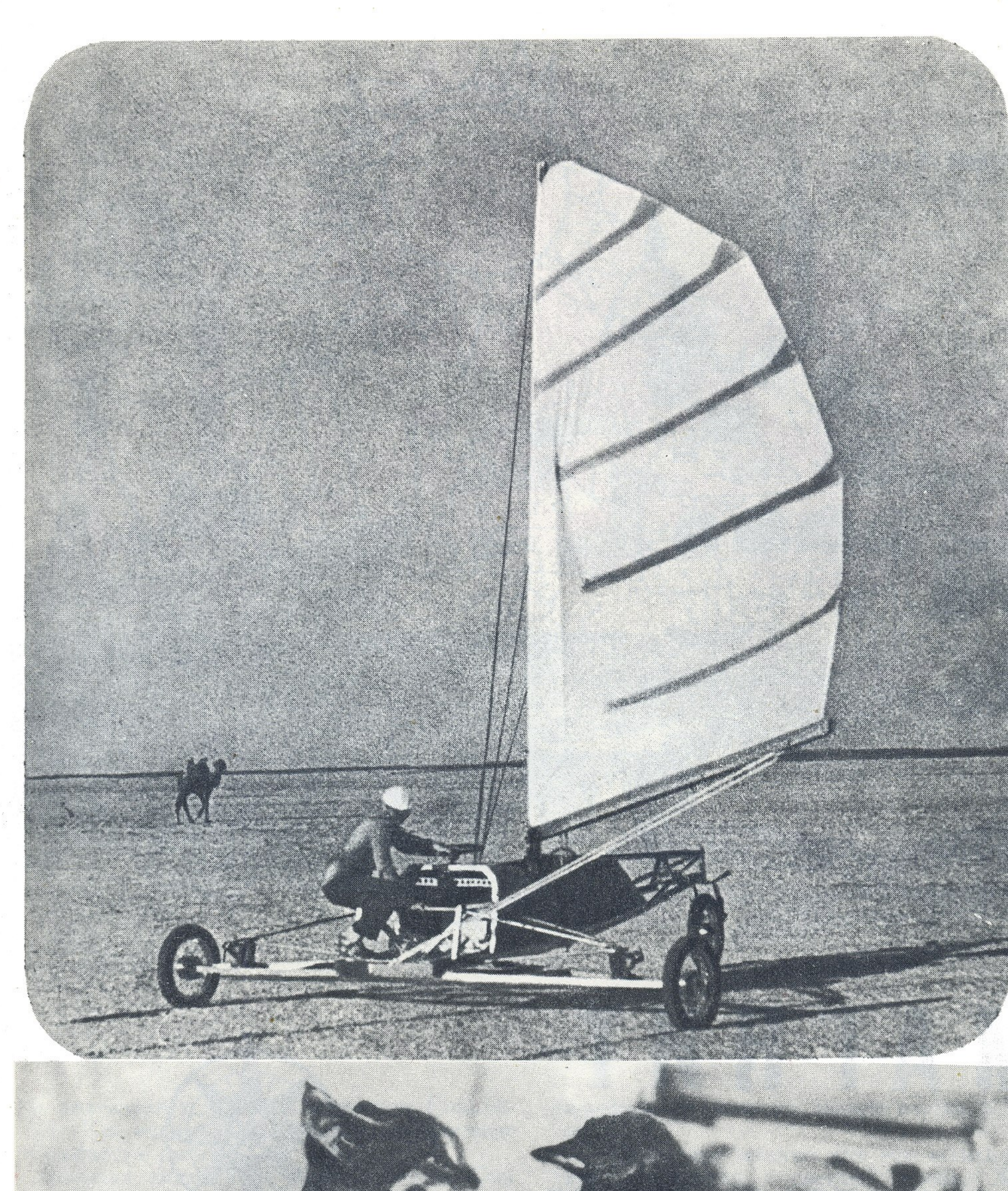
А пока снимали эфу, Кешка затеял охоту на большого черного паука, важного и неторопливого. Хорошо, успели вовремя Кешку прогнать, а не то была бы это последняя его охота. С каракуртом шутки плохи. От его укуса даже верблюд погибает.

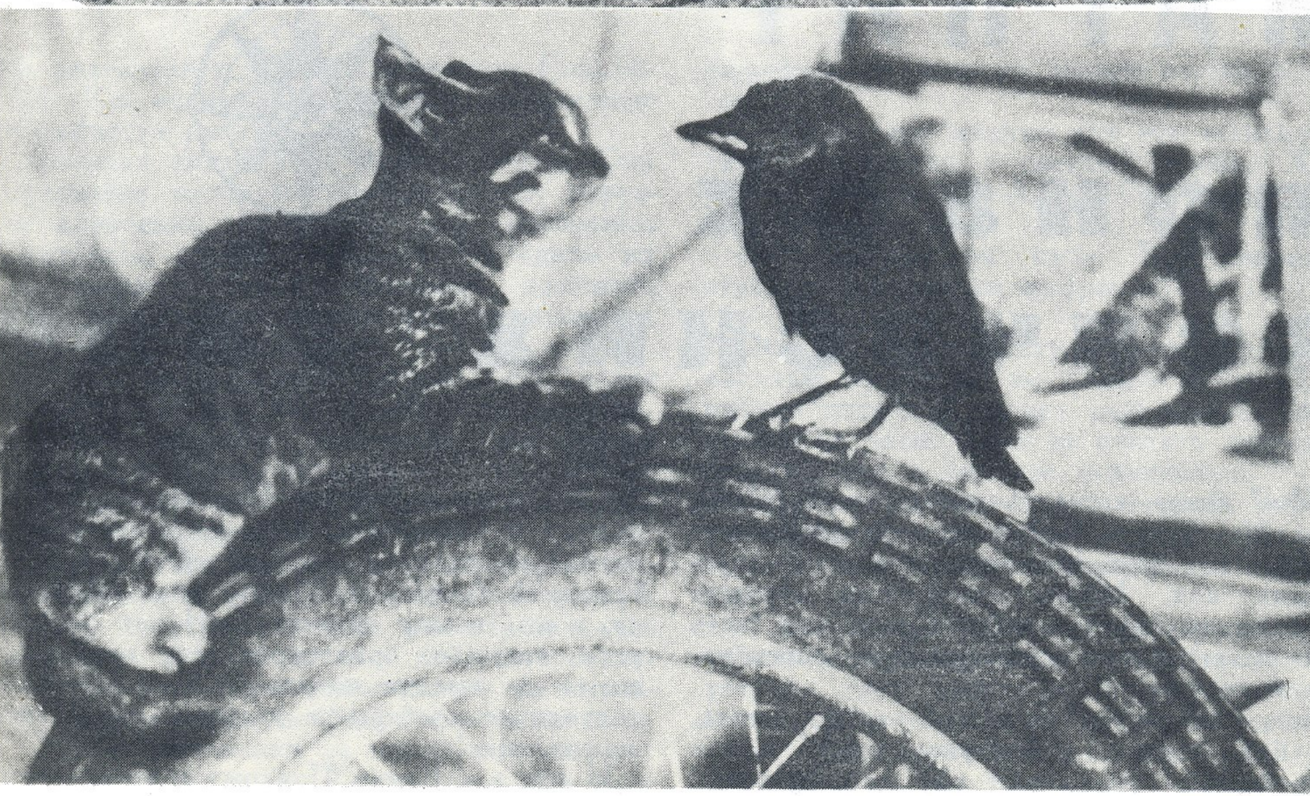
выше, все выше... Вот уже их и не видно, только песня доносится.

В низинке песчанки перекликаются. На маленьком бугорке столбиком стоит суслик — бдительный часовой на посту. По распадку деловито бежит корсак — пустынная лисичка. Увидел нас, к земле прижался и замер. Потом осмелел, пошел вокруг нас под ветер — глаза хорошо, а нюх лучше — выяснить, что за люди.

Ну вот и ветерок появился! И поплыли наши белые бабочки своей дорогой. От лагеря остались только маленькая кучка золы да ровный круг Тортиллиной тропинки.

Корсак «спрятался» — прижался к земле за кочкой и замер. ● С этими куличками мы встретились на Аральском море. ● Попутный ветер в паруса. ● Для Кешки все в мире в новинку. Что это за черное чудище сидит на колесе? Осторожно влез наверх по протектору и потянулся носом к галчонку.

Но все эти страшилища в пустыне редкость необычайная.

Совсем стемнело. В черном небе звезды большие, яркие. Над нами звон стоит тонкий, но сильный. Будто сам воздух звенит. Мачты яхт облюбовали комарики-толкунцы. Их там, у макушек мачт, целое облачко. Под этот звон и засыпаем...

Утро. Солнышко, умытое, веселое, выбралось из-за горизонта, покатилось, покатилось по склону холма, оторвалось и полетело. Воздух чистый. Видно далеко. Изумрудные щурки с писком пронеслись над нами и начали подниматься все выше и выше, будто с разбегу берут пролеты бесконечной лестницы — разогнались на площадке и — вверх, и снова разгон, все

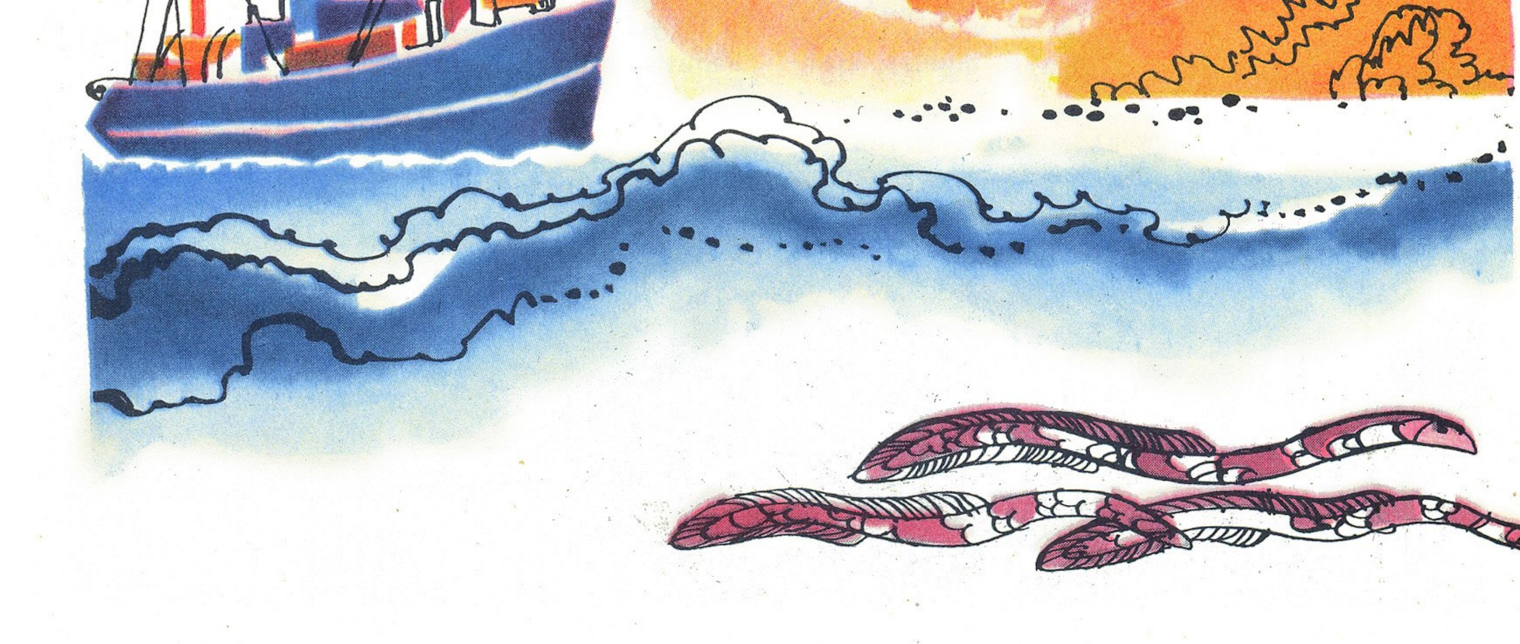
Из-за холма целое стадо верблюдов показалось. Постояли, посмотрели на нас и степенно пошли наперерез. Мы остановились, и они остановились. Стоим и смотрим друг на друга. Они нас очень внимательно рассматривают. Даже перестали жевать. Кажется, рассмотрели. Снова зажевали. Вдумчиво так жуют — два жевка слева — два справа, два — слева, два — справа. Пошли куда-то своей дорогой.

Поедем и мы. Скоро опять начнется пекло, и пустыня станет пустынной до вечера.

Э. НАЗАРОВ,
В. ТАЛАНОВ
Фото авторов

Рис. В. Карабута

МАГНИТ-монарх всяческих тайн

Мне давно хотелось побывать в Борке. Там, на берегу Рыбинского водохранилища, расположен Институт биологии внутренних вод. Много интересных научных проблем изучают в нем. Среди них есть моя заветная — навигационные способности животных.

Вот, скажем, угорь (или треска, кета, морская черепаха, дельфин, кит). Какие чудо-компасы указывают ему дорогу, когда он плывет от берегов Италии к себе на родину в Саргассово море — это огромное скопление плавучих водорослей недалеко от Северной Америки? Кругом вода, вода, вода, а она всюду одинакова. И нет на пути угря видимых ориентиров. Не опускается же он за тысячи метров на дно, чтобы по подводным хребтам и долинам определить направление!

И вот я в Борке. Прихожу к ихтиологам. Их возглавляет Артур Георгиевич Поддубный. Его очень интересуют навигационные способности рыб.

Большая комната на нижнем этаже. Она заставлена непонятными приборами, опутана проводами. Посредине два массивных пьедестала, врытых в землю. На одном из них аквариум — обыкновенный, длинный, только зачем-то его просунули сквозь два больших, с велосипедное колесо, кольца. Тонкая непрозрачная перегородка делит аквариум на два отсека, над которыми горят электрические лампочки: над одним яркая, над другим тусклее.

Но зачем было ставить это легкое сооружение на массивный пьедестал?

Оказывается, поскольку в аквариуме вырабатываются условные рефлексы у рыб, нельзя допустить, чтобы им передавались колебания пола, а то, чего доброго, рыбешки воспримут шаги наблюдателя за сигналы. Опыты тогда не будут «чистыми».

Словно школьники на перемене, шныряют по аквариуму рыбы. То и дело они перебираются по лазу из одного отсека в другой.

— Через две минуты вся эта веселая ватага отправится в светлый отсек. Хотите? — спрашивает Артур Георгиевич.

— Конечно.

Мы смотрим на часы. Вот секундная стрелка доходит до цифры «12».

— Старт!

Осматриваю комнату, бросаю украдкой взгляды на соседа: не подаст ли он какой-нибудь потайной сигнал рыбешкам? Поглядываю на часы. Если не считать секундной стрелки, все в комнате неподвижно.

Стрелка описывает круг, второй. Вот она снова подобралась к цифре «12». На лице Артура Георгиевича появляется лукавая улыбка.

И тут все рыбешки, как по команде, поворачиваются головами к лазу и, вежливо уступая друг другу дорогу, устремляются в светлый отсек. И вот они уже там.

— Через две минуты дадим отбой. Согласны?

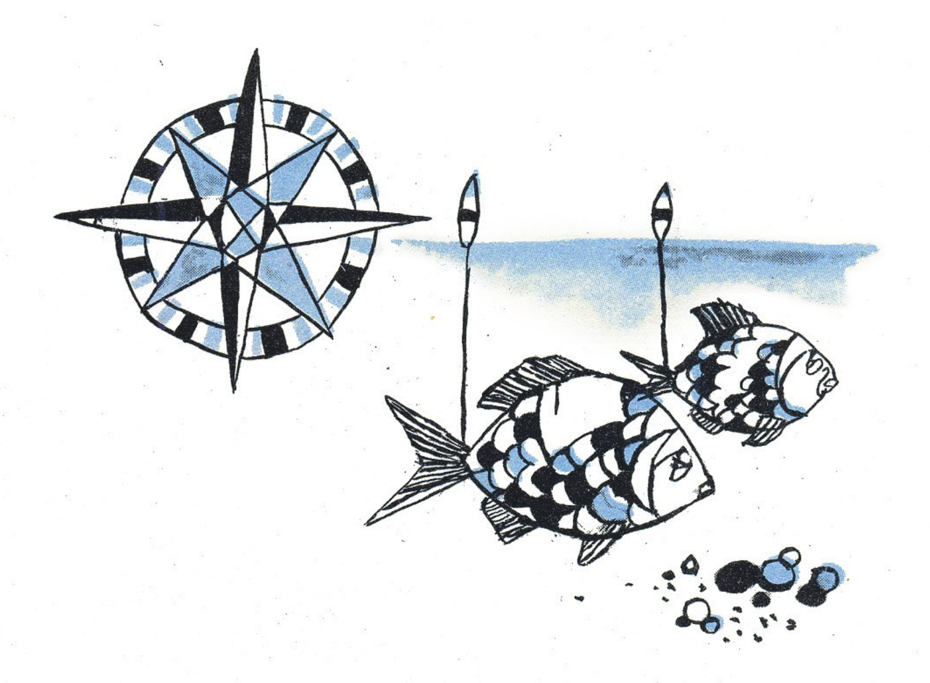
— Да, конечно.
— Старт!
Опять слежу за всем происходящим в комнате, за стрелкой, за Артуром Георгиевичем, пытаясь уловить скрытый сигнал.
И опять стрелка описывает два круга, опять на лице ученого появляется улыбка, и стайка рыбешек рассыпается кто куда. Дело чести самому разгадать секрет, не дожидаясь, не прося объяснений. Но как?
Трудно допустить, чтобы ихтиологи выучили рыбешку следить за стрелками часов или, хотя бы шутки ради, принимать улыбку на лице наблюдателя за сигнал. Может, рыбы научены отмерять после команды «старт!» две минуты по своим биологическим часам — этой удивительной и малоизученной способности живых организмов определять ход времени? Впрочем, вряд ли способны рыбы на такие фокусы.
На всякий случай я прошу Артура Георгиевича выбрать не двухминутный интервал, а пятиминутный и отбой давать через одну минуту. И не отмечать начало отсчета времени никакими восклицаниями. И вообще, не будет ли опыт чище, если мы отойдем от аквариума на почтительное расстояние?
Мы стояли далеко от аквариума, а рыбы направлялись в светлый отсек в любой назначенный мною момент. И отбой мы давали, когда я хотел.
Но каким сигналом?!
Позднее мне объяснили.
Два кольца, сквозь которые просунут аквариум, не простые кольца, а электромагниты, соединенные параллельно.
Включаются они от кнопки, находящейся в соседней комнате, чтобы рыбы не приняли звук выключателя или появление оператора за сигнал. К каким только ухищрениям не прибегают экспериментаторы, борясь за чистоту опыта!
Когда мы стояли у аквариума, оператор находился в соседней комнате. Он слышал наш разговор, знал сроки, которые мы назначали, и в нужный момент включал или выключал электромагниты.
Да и рыбы были ученые. Они прошли долгую и утомительную тренировку и знали: «как только почувствуешь, что магнитное поле изменилось, плыви на светлую половину, а то, чего доброго, получишь стеклянной палочкой по хвосту!» На тренировках каждый раз, как только включали электромагниты, рыб гнали в светлый отсек.
Способность рыб ощущать колебания электромагнитного поля изучают и по такой методике.
Наблюдатель опускает на ниточке в аквариум яркую бусинку. Как только рыба схватит бусинку, ей тут же дают лакомство, а бусинку вытаскивают из воды. Опыт повторяют и повторяют, пока рыбы не научатся хватать бусинку и не будут спешить к месту кормления.

Затем приступают к самой ответственной и трудоемкой части исследования. Опустив в воду бусинку, к аквариуму подносят то магнит, то макет магнита одной с ним формы и окраски. Если рыба схватит бусинку, когда исследователи держат магнит, ее угощают. Если же она хватает бусинку, когда поднесен макет, рыба не получает лакомства. Пусть знает: рассчитывать на угощение можно лишь тогда, когда рядом находится настоящий магнит, а не жалкая подделка.
Все это лабораторные исследования. А что говорят по этому поводу наблюдения в естественных условиях? Способны ли рыбы ощущать магнитное поле Земли?
Все началось с загадки или даже двух. Как-то ихтиологи выловили в реке Шексне несколько крупных лещей и выпустили их на середину Рыбинского моря.
Куда поплывете вы, лещи?

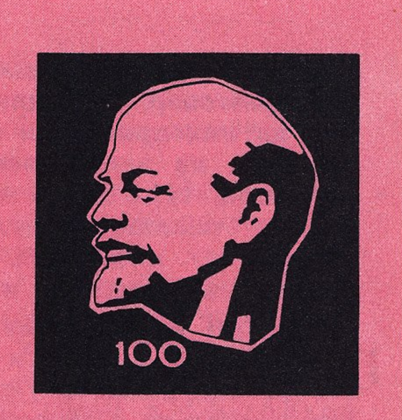
Чтобы с рыбами было легче вести научный разговор, к спинному плавнику каждой из них привязали на капроновой леске поплавок из яркого пенопласта. Куда плывет рыба, туда движется и поплавок. Куда плывет поплавок, туда направляется и шлюпка с наблюдателями, вооруженными биноклями, компасом и картой.
Каждый лещ, описав круг — круг ориентировки, — ложился на свой курс. Но этот курс почему-то неизменно уводил рыб несколько в сторону от устья Шексны. Однако, приблизившись к родной реке, рыбы делали крутой вираж и плыли домой.
Так лещи ответили на заданный вопрос. Они нашли дорогу домой. Но при этом загадали куда более интересную и сложную загадку. Какой чудо-компас, какой чудо-пеленг заставил их придерживаться именно этого направления? И почему это они плыли домой непонятным зигзагом?
Загадка зигзага была разгадана не сразу. Оказывается, лещи вначале плыли вдоль магнитных силовых линий Земли, а затем, оказавшись поблизости от родной реки и, видимо, почуяв запах ее воды, делали крутой поворот.
Что ж, нужно думать, у лещей есть магнитные компасы.
А потом последовала еще одна загадка.
Как-то исследователи отправились на своих суденышках в район Волгограда. Предстояло узнать и нанести на карту дороги осетров, идущих на нерест. Только теперь вместо пенопластовых поплавков к спинам рыб прикрепили маленькие радиостанции. Пошлет датчик сигнал, сигнал пройдет по воде, и его засечет приемное устройство, смонтированное на носу катера. Метнется рыбина влево — и сейчас же на экране осциллографа метнется влево стрелка, оператор отметит это событие на карте, и капитан переложит руль.
Плывет и плывет осетр, с редким упорством преодолевая всякие препятствия, и вдруг — стоп! Мечется осетр от берега к берегу, словно на пути его встала невидимая преграда, а потом, как бы решившись, проскальзывает у самого берега и плывет дальше. То же происходит со вторым осетром, с третьим, четвертым. Из шестнадцати рыб десять задерживались именно в этом месте.
В чем же дело?
Оказалось, в этом месте через реку перекинута высоковольтная линия электропередачи. Нужно думать, рыбы почувствовали электромагнитное поле, которое возникает, когда по проводам проходит ток. И потому преодолевали это препятствие у самых берегов: там не так провисают провода, а значит, и магнитное поле не так сильно, как посредине реки.
Что ж, и осетры дали доказательство, что рыбы способны ощущать электромагнитные поля. Спасибо им!
Великий врач средневековья Парацельс назвал магнит монархом всяческих тайн. Наука сейчас все больше и больше интересуется влиянием магнитных сил и космических излучений на все живое, населяющее Землю. Здесь таится много загадок.

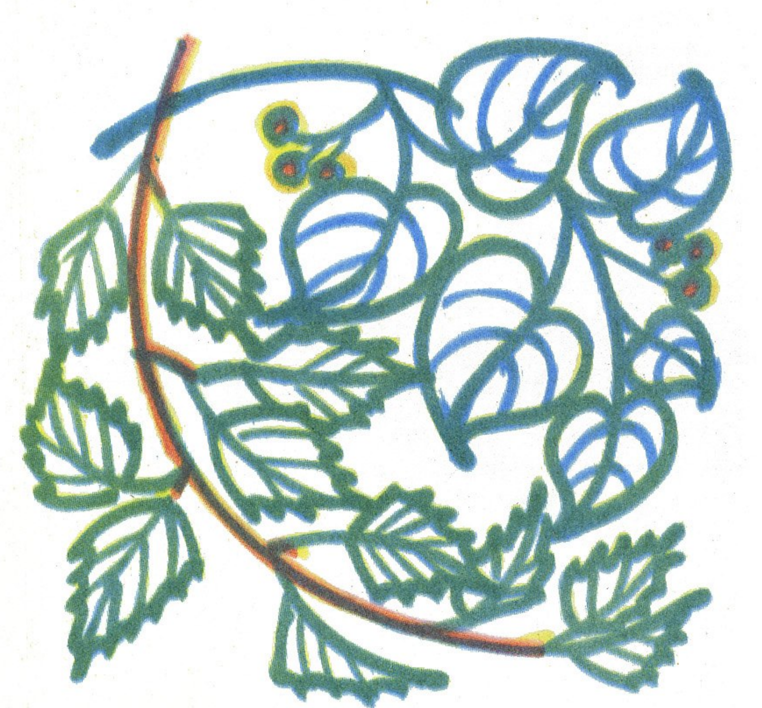
К. ИОСИФОВ

Весь год «Наш вестник» сообщал о славных делах юных любителей природы. Ребята рассказывали о своих лесничествах, парках и садах, об огромных цветочных клумбах, выращенных к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Много пришлось потрудиться ребятам, прежде чем появились у крохотной березы первые листочки, вспыхнули на яблони первые цветы и распустились у памятника В. И. Ленину огненные гвоздики.

Любимые цветы Ильича

На клумбах хозяйничает снег. Сейчас клумбы белые, но летом и осенью горели на них мохнатые георгины, пылали веселые звездочки флоксов, светился душистый горошек, скромно проглядывали сквозь буйное разноцветье анютины глазки.

Много книг, воспоминаний о В. И. Ленине прочитали юннаты Кызыла, не раз заправшивали ленинские музеи, прежде чем появились на клумбах цветы, которые любил дорогой Ильич.

А в юбилейном году любимые цветы В. И. Ленина зацветут не только на юннатской станции, но и в городских парках, возле школ и детских садов.

Зеленый борок

Так называется школьное лесничество Уренской школы Горьковской области. Каждую весну на один этаж подрастает лес, посаженный ребятами. Помощник лесничего Люба Потехина уверяет, что весной слышно, как бродят по молодым стволам деревьев земные соки. Что ж, она права, деревья, выращенные ее руками, и вправду хороши.

Есть в лесничестве свой питомник. С особенной заботой ухаживают за ним ребята. На грядках подрастают здесь сеянцы сосны, березы и липы. В юбилейном году юннаты пересадят их в лес, на пустошь. Щедрее, краше станет их родная земля.

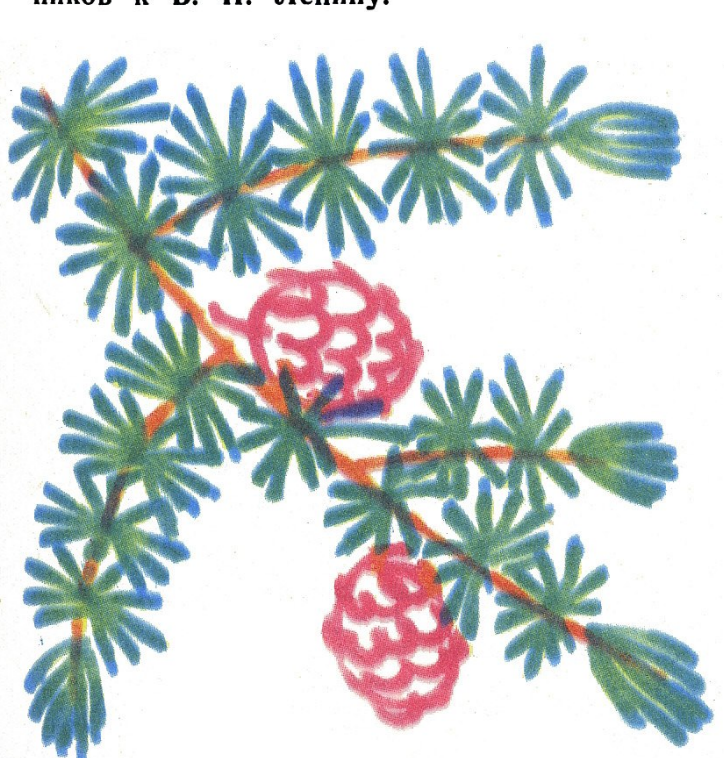

Рис. И. Кошкарева

Юбилейная клумба

На такое всегда смотришь с тихой, скрытой радостью. Потому что понимаешь: декоративная клумба ой как много старания и умения требует. Такая, например, что встречает вас при входе на территорию 12-й курганинской школы Краснодарского края.

«В. И. Ленин. 100» — в такой лозунг сложились цветы. Их потребовалось много. Тысячи стебельков сизого седума, портулака, лобелии. И все юннаты вырастили из семян. В будущем году снова загорятся на клумбе эти слова. И расскажут людям о большой любви курганинских школьников к В. И. Ленину.

Лесные заботы

Трудолюбивые всегда найдут дело. И ни мелкие осенние дожди, ни колючие зимние ветры, ни ямы в лесу, наполненные весной наполовину снегом, наполовину водой, не испугают их. Живут такие ребята в селе Деревянное Карельской АССР. Много хлопот у любителей леса. Увеличилось зеленое население в школьном питомнике: поселились там кедры, лиственницы, карельские березы. Нужно и лес проредить, чтобы не мешали деревья друг другу тянуться к солнцу. А зимой ребята подкармливают птиц, потому что они главные помощники в борьбе с лесными вредителями.

Юные лесничие знают, как любил природу В. И. Ленин. И все свои славные дела посвящают его юбилею.

Александр КАЗАНЦЕВ

„НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ ЛЕСА“

Рассказ

Я всегда радуюсь, когда фантастические случаи происходят в жизни. И потому с особым волнением, охватившим меня в тот памятный вечер, берусь за рассказ.

Все это действительно произошло недавно в Москве, в Сокольниках. Днем над городом прошла гроза с неистовым ливнем. Я ехал в машине по набережной, и трудившиеся на высшей скорости «дворники» не могли сбить с бокового стекла сплошную водную пелену. Я чувствовал себя, как в акваланге. Видимость улучшалась, лишь когда мы попадали под мост, откуда снова ныряли в воду, словно в подводном снаряде.

В этой бешеной грозе, когда над головой с каменных небесных сводов будто скатывались грохочущие скалы и разбивались в невидимых пропастях, сотрясая землю, был отзвук двугорбого максимума солнечной радиации.

В прошлом году, когда раз в тысячелетие совпали столетний и одиннадцатилетний солнечные максимумы, все надеялись, что ураганы, песчаные бури и всяческие капризы природы будущим летом, наконец, прекратятся. Но максимум на кривой солнечной активности был двугорбый, как верблюд! И второй горб приходился на нынешний год. Он сказался в наших широтах диковинными для июня холодами и неожиданными отзвуками прошедшей весны.

У нас в Абрамцеве до первых чисел июля в окно тянулись пахучие ветки сирени. От их нежного запаха радостно кружилась голова.

Особый аромат у цветов запоздалых, особый строй и у запоздалых песен, когда весенние напевы звучат вдруг летом.

Припомнилась мне громовая весна 1945-го года, последняя весна войны.

Вместе с передовыми танками мы ворвались на центральные площади Вены. Автоматчики в развевающихся за спиной зеленых плащ-палатках, нагибаясь, перебегали от здания к зданию. Дробно трещали очереди автоматов. По мостовой стелился дым. Гитлеровцы, перепуганные и бесноватые, огрызались.

За спиной пылал знаменитый Театр венской оперы.

Горько было смотреть на покрытую клубами черного дыма каменную громаду, напоминавшую наш Большой театр.

Вена всегда связывалась у меня с музыкой.

Когда город был полностью очищен от нацистов, мне удалось побывать на знаменитом Венском кладбище, где я отыскал могилы Моцарта, Бетховена и Иоганна Штрауса.

Собственно, могилы Моцарта я найти не мог, потому что великий музыкант был похоронен в могиле для бедных, которую никто не знал. Много позже поклонники гения установили на Венском кладбище памятную плиту, на которой выбили его имя. Неподалеку была другая, накрывшая подлинного великана музыки с трагической судьбой, простая гладкая плита с надписью: «Людвиг ван Бетховен».

И не очень далеко от этих памятных плит высился претенциозно богатый мраморный павильон. Там, окруженный колоннами, стоял мраморный усатый скрипач — баловень успеха, любимец Вены Иоганн Штраус.

Я смотрел на мраморного Иоганна Штрауса, и казалось, он играет на мраморной скрипке свой вальс «Сказки Венского леса».

Мне не забыть впечатления от впервые услышанной в 1939 году в Нью-Йорке блестящей разработки этого вальса. Я попал на премьеру кинофильма, который впоследствии узнали как «Большой вальс». Как и многие значительные художественные произведения, он получил признание позже, а тогда... принес разорение постановщику.

И вот в дни окончания этой войны я снова услышал «Сказки Венского леса», услышал, стоя у памятника Иоганну Штраусу.

Мог ли я не пойти в Венский лес?

Я никогда не подозревал, что Венский лес расположен на горе и что аллеи его вьются серпентиной. Я выходил из машины, бродил среди деревьев, старался представить себе штраусовскую сказку.

Аллеи поднимались к расположенному вверху ресторану, откуда открывался чудесный вид на Дунай и Вену, прикрытые голубоватой дымкой. Глядя в такую даль, всегда хочется взмыть вверх, облететь просторы.

Слух резанул громкий дробный стук. Но на этот раз это были не автоматы, а пневматические молотки.

Венцы в аккуратных спецовках с множеством карманчиков старательно вырубали из мрамора плиту с изображением немецкого орла, держащего в когтях свастику. Когда-то ее с помпой водрузили здесь на том месте, откуда Гитлер жадно смотрел на Вену после аншлюса. Не потягалась во времени эта плита с плитами музыкантов!

Аллеи в Сокольниках не походят на аллеи Венского леса. Они идут по прямым просекам подлинно русского леса, по которому мчались в старину доезжачие и сокольничьи царской охоты. Таких сосен-исполинов, раскидистых елей, таких белоствольных «девичьих» берез не встретишь в Венском лесу среди грабов, вязов и диких каштанов. Но «Сказки Венского леса» в первых числах июля, в год повторной солнечной активности, перекочевали с отрогов Альп к нам в Сокольники.

После пения Милицы Корьюс (воспитанницы Киевской консерватории) в «Большом вальсе» я тридцать лет не слышал исполнения этой блестящей вариации.

И вот мне привелось снова услышать этот вальс в открытом театре Сокольников. Конферансье объявил номер, и я почему-то заволновался. Но едва появилась певица и я услышал ее сильный, гибкий и звонкий, как хрустальная струя, голос, я увидел чудом помолодевшую героиню «Большого вальса». Блестящие рулады сверкали, словно их можно было различить в воздухе, они ослепляли.

Вдруг я вздрогнул и оглянулся. Нет, я не ослышался. На соловьиный голос певицы характерным щелканьем отозвался в кустах соловей.

Все, все, кто сидел в тот вечер в открытом театре, невольно посмотрели на освещенную прожекторами листву, обрамлявшую открытый зал.

А в листве отозвался второй соловей.

Надо было видеть в те минуты лицо певицы. Она услышала своих партнеров и засияла внутренним светом.

Когда голос ее рассыпался бисерным каскадом, два соловья не просто повторяли руладу, а пели вместе с ней в терцию, в кварту, украшали паузы музыкальными рефренами и каденциями.

Я слушал затаив дыхание. Никогда я не мог себе представить, что соловьи так понимают, так чувствуют музыку и так виртуозны! Они были ничуть не хуже излюбленного колоратурами флейтиста, оттеняющего голос. Своей птичьей импровизацией они сделали «Сказки Венского леса» поистине волшебными.

Неужели никто из тысячи сидящих на этом необыкновенном концерте не захватил с собой магнитофона? Каким шедевром звукозаписи обогатил бы он мир застывших звуков!

Когда «Большой вальс» закончился и счастливая, возбужденная певица кланялась публике, она смотрела на листву.

Публика устроила овацию. Многие смотрели туда же, куда и артистка.

Всем хотелось, чтобы соловьи вместе с ней спели «на бис».

Но конферансье безжалостно объявил следующий номер, потом еще один. На концертах действуют свои законы. Артисты пели снова и снова, но... лесные певцы улетели. Они ни с кем больше не захотели петь, отпев свою удивительную запоздалую песню ушедшей весны.

Мне никогда не забыть этого удивительного трио, которое убедило меня, что Иоганн Штраус был прав, назвав свой вальс сказкой.

Спасибо ему за эту сказку, спасибо «народным артистам леса», исполнившим ее, спасибо певице Валерии Новиковой, 4 июля 1969 года заколдовавшей их в Сокольниках.

Каков он,

серый разбойник?

«Не пора ли вступиться за волков?» — с таким вопросом обратился Почемучка Толя из города Никополя ко всем ребятам. «По-моему, в лесу будет скучно без них», — писал он.

Этот вопрос очень заинтересовал ребят. Больше двухсот писем, больших и маленьких, прислали Почемучки. Ребята ведут как бы заочный спор друг с другом. Большинство из них согласны с Толей. Все они считают волка очень интересным зверем и категорически против того, чтобы его совсем уничтожили.

Многие ребята считают, что с волком надо вести борьбу, но не истреблять его совсем. «Нужно уничтожать только очень бессовестных волков».

Кто же из ребят прав? Уничтожать или сохранять волка?

Люди неспроста объявили смертельную

войну этому зверю. Многие века короткое слово «волк» звучало как сигнал тревоги. Волк — бирюк, волк — серый помещик, волк — бич всего живого. С волком связаны наиболее мрачные народные поверья, его именем называли отъявленных злодеев и самые ядовитые растения. Волк был сущим народным бедствием. В одной только России он причинял урон, составивший в конце прошлого века несколько десятков миллионов рублей за год.

Перед Великой Отечественной войной в нашей стране обитало около 100 тысяч волков. За годы войны их стало гораздо больше. Именно в послевоенные годы волки особенно часто нападали на скот.

Борьба с ними, которую развернуло государство, была вынужденной и необходимой. Волк объявлен вне закона, его разрешено убивать всеми средствами и в любое время года. За добычу зверя государство выплачивает премии. В этой войне с волком приняли участие не только охотники. На помощь им пришла техника и химия, волков уничтожали ядами и стреляли с аэросаней и самолетов.

Больше всего волков уничтожили в 1947—1953 годах. Затем зверей добывали реже. И не потому, что борьба ослабла, нет, просто волков в стране стало мало. Во многих центральных областях они исчезли совсем или же крайне редки. Сравнительно обычны волки в некоторых южных районах Сибири, кое-где на Дальнем Востоке, в лесах и тундре Севера.

Какой он, этот зверь, давний враг человека?

Волки живут и в безлесных степях и в дальней тайге, преследуют джейранов в пустынях Средней Азии и северных оленей в тундре Таймыра. Ученые насчитывают около десяти разновидностей волков: самые крупные — северные и полярные волки, самые мелкие — обитатели южных пустынь и Кавказа.

Волк удивительно ловкий и выносливый зверь, умное и смелое животное. И чутье, и зрение, и особенно слух развиты у него прекрасно. Недаром волк так наблюдателен и зорок. И к тому же обладает завидным хладнокровием и выдержкой. Волк буквально способен смело смотреть в лицо смерти, не теряя достоинства. Даже в самых трудных и опасных обстоятельствах он сохраняет спокойствие. Окруженный и загнанный, волк двигается бесшумно, не выдавая себя ни дыханием, ни хрустом веток.

Я не раз встречался с волком и медведем один на один. И каждый раз поражался, как различно они себя ведут при встрече. Медведя отличает беспечность. Он бредет по лесу, порою повесив голову, не обращая внимания на окружающее. Не замечая человека, медведь иногда подходит к нему вплотную. Словно внезапно очнувшись, зверюга остолбенело смотрит, всем своим видом выражая растерянность и недоумение, а затем с тяжким уханьем бежит прочь, не разбирая дороги. Только глубокий предрассудок заставляет людей бояться таких встреч. Совсем иначе держится волк. Он постоянно настороже, волк почти всегда заметит человека раньше, чем тот увидит зверя. Он явно «соображает», насколько опасна для него встреча, и действует в зависимости от обстоятельств, от реальности угрозы. Если человек не вооружен, волк может просто не обратить на него внимания и спокойно продолжать путь.

Волк действительно подлинный хищник. Хотя ему и приходится летом ловить лягушек и ящериц, а зимой — мышей, хотя ест он иной раз и ягоды, и фрукты, и даже арбузы на бахчах, но без мяса волку нет жизни. Трудно даже перечислить всех зверей, которые могут стать его жертвой. Это не только копытные и грызуны, а даже свои собратья — хищники. Волк не упустит случая прикончить лисицу или уссурийского енота, нападает иногда на медведей-шатунов и рысей. Но особенно достается от него домашним собакам. Волк словно мстит им за службу у людей. Прекрасный знаток волчьей охоты Н. А. Зворыкин даже называл волков, которые кормятся возле человеческого жилья, собачатниками в отличие от волков пустошных, пищей которых служат дикие животные.

Страшная волчья хватка за горло мгновенно обрывает жизнь даже крупного зверя. Удивительная прожорливость волка, знаменитая волчья жадность — одно из приспособлений хищника. Волк может съесть сразу несколько килограммов мяса, а потом долго обходиться без пищи.

Труднее объяснить, зачем он иногда уничтожает больше животных, чем может съесть. Возможно, это связано с особым нервным возбуждением, запахом крови. Ведь недаром такой разбой волки творят обычно в стадах домашних, а не диких животных.

Иные волчьи повадки до сих пор не совсем понятны. Почему, например, волки не нападают на домашний скот вблизи своего логова? Как они сообща загоняют могучего лося или быстрого зайца? Зачем воют, выражая столь унылыми для человека звуками и печаль и радость? Ученые считают, что ни одно из земных животных, кроме волка, не могло бы выдержать такого постоянного преследования и давно бы исчезло с планеты.

Однако люди озабочены больше уничтожением, а не изучением волков. Поэтому такой интерес вызвали книги Лоис Крайслер «Тропами карибу» и Фарли Моуэта «Не кричи, волки», посвященные жизни волков в природе. Как и Ф. Моуэт, Крайслер пишет о том, что волки приносят пользу диким оленям, будучи своего рода санитарами: их добычей становятся только наиболее слабые животные. Это мнение поддерживает известный исследователь Арктики доктор биологических наук С. М. Успенский.

Многие же ученые считают, что далеко не всегда в зубы хищника попадает слабейший.

Живая природа крайне чутка, она реагирует на любые вмешательства со стороны. Тот огромный вред, какой причиняли волки животноводству в прошлом, объясняется тем, что люди истребили диких животных — лосей, сайгаков, оленей. Меньше стало джейранов в Средней Азии и Закавказье — волки начали чаще нападать на домашних животных. На Дальнем Востоке и в Сибири волков появилось больше там, где сплошь вырубили леса.

Даже охрана животных может привести иногда к нарушению биологического равновесия. В наших заповедниках создают благоприятные условия для лосей, оленей и других копытных зверей, а волков истребляют. И что же получилось? Оленей стало так много, что теперь людям приходится снижать их численность, причем делают это они, по собственному признанию, хуже, чем волки, так как порой отстреливают здоровых, а не больных животных. Так человек оказывает медвежью услугу тем, кого взял под защиту. Правда, на небольшой площади заповедника трудно сохранить в неприкосновенности все природные взаимосвязи. И все-таки, возможно, заповедники будущего возьмут на себя охрану всех животных без исключения, не вмешиваясь в дела и законы природы.

Известный ученый Бернгард Гржимек, настойчиво выступающий в защиту хищников, писал: «К сожалению, европейцы пока не создают у себя настоящих заповедников, в которых охранялись бы все звери, включая и волков».

Вспомним, что в Англии волк в свое время был истреблен полностью, а потом завезен вновь. Человеку не раз уже приходилось исправлять свои ошибки, только не всегда это удается. Во многих странах Европы волк ныне взят под охрану.

Прекратить борьбу с волком в нашей стране сегодня пока нельзя, потому что вред, причиняемый этим зверем, все еще довольно велик. Специалисты считают, что только в РСФСР ущерб, приносимый волком, превышает полмиллиона рублей.

Еще предстоит выяснить, какова будет окончательная судьба этого зверя: останется ли он лишь в отдельных районах как уникальный образец живой природы (скорее всего это будет в подлинных заповедниках) или же целесообразнее сохранить его как биологическое звено в природе. Но и тогда людям придется следить за поголовьем волков. Может быть, в будущем их будут истреблять только там, где они приносят заметный вред домашним животным. Уже сегодня охотники могли бы вести такое выборочное истребление.

Конечно, нельзя решить судьбу волка простым голосованием. И все-таки отрадно, что писем ребят, призывающих к полному уничтожению этого зверя, в редакцию пришло совсем мало. Прошла та глухая пора, когда люди боялись леса и его обитателей, когда протяжный волчий вой наводил ужас на все живое. Новые поколения людей свободны от страха перед природой, они видят в ней друга, а не врага, и не торопятся сломать то, что нельзя поправить.

Ф. ШТИЛЬМАРК,
кандидат биологических наук

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ДЕКАБРЬ

В белое, коричневое и черно-зеленое окрасил лес морозный декабрь. Никогда не увидишь таких ярких нарядных елочек и серебряных от инея берез. Правда, трудно подойти к ним без лыж: чуть свернул с дороги — и выгребай из валенок колкий и жгучий снег. Сугробы так высоки, что нижние ветви деревьев лежат на них, словно на пуховых перинах.

Тихо и спокойно сейчас даже в самой глухой чащобе. Но посмотри внимательно, прислушайся — и заметишь торопливые черточки следов на заснеженной поляне, а с дальней опушки донесет ветер барабанную дробь неугомонного дятла.

Прочитай белую книгу декабрьского леса. И обо всех открытиях, что подарит она тебе, напиши в «Лесную газету». Ждем твоих писем.

Росомаха

Бурый, со светлой оторочкой по бокам, с виду тяжелый и неуклюжий зверь, быстро семеня, шел по лыжне охотника.

Широкий и глубокий след охотничьих лыж росомаха хорошо знала. Такие следы всегда вели к добыче. И пусть эта добыча доставалась ей не совсем честным путем, но она была, и росомаха редко задумывалась, когда видела лыжный след в тайге.

След лыж мог привести к мясу лося, спрятанному охотником от волков на дереве, мог привести к охотничьей избушке, где хранились запасы продуктов, и, на худой конец, он мог обходить капканы и ловушки, в которых росомаха не так редко отыскивала белок и куниц.

Если след приводил к охотничьей избушке, зверь выжидал, когда люди уйдут, забирался на крышу и старался разворотить доски, прикрывающие жилье. Когда удавалось найти добытого охотником лося, росомаха забиралась в склад, где хранилось мясо, тащила добычу в тайгу и прятала в самых укромных местах. Нет, она не растаскивала мясо в ясные, тихие дни — она ждала непогоды, метели, которая тут же заметет следы.

На нее злились, ее караулили, готовили ей ловушки, но звериный нюх и быстрые ноги спасали, помогали оставаться сытой, целой и невредимой. Вот и вчера по ее следу шли люди, шли, чтобы отыскать и наказать за набег на капканы, но разве отыщешь в тайге зверя, который уходит от места набега чуть ли не за сто километров?

Вчера она тоже ушла далеко. Преследователи отстали, вернулись обратно, уверенные, что хищник ушел совсем, но росомаха вернулась именно сегодня, когда ее никто не ждал.

Высокие кривые сугробы оставались по обе стороны лыжного следа, а она шла по дороге, проложенной человеком, шла легко и, как всегда, осторожно принюхиваясь и прислушиваясь на ходу. Вдруг еле заметный незнакомый запах остановил зверя. Росомаха еще раз потянула в себя воздух, попятилась назад и стороной, сугробами обошла опасное место... Прямо на лыжне, под плотной корочкой снега охотники поставили капкан. Нет, мало родилось таких охотников, которые перехитрили бы росомаху. Росомаха обошла по сугробам капкан, снова выбралась на лыжню и быстрой рысцой двинулась дальше.

ЛЕСОВИК

Вчера неожиданно подул теплый южный ветер. Он принес с собой рыхлый глубокий снег и настоящую оттепель. Ветер дул весь день и всю ночь. К утру он успокоился, стих, и я тут же услышал за окном осторожный голосок капели. Конечно, это была еще не весна — до весны еще оставалось чуть ли не три месяца, но на улице было очень тепло. Я тут же собрался в поход.

Как всегда, я обошел наше поле и проверил, как ведут себя зайцы. Сегодня ночью они очень много бегали по полям и по зарослям осины — наверное, тоже обрадовались теплу. Отыскал я и следы лисы — сегодня лиса почему-то не выходила на поле охотиться за мышами, — видимо, мокрый снег мешал ей услышать, где возится мышь. Я отыскал всех своих лесных знакомых и уже собирался заглянуть к медвежьей берлоге, как увидел недалеко от оврага разрытый снег. И тут же рядом на снегу я обнаружил следы большого животного. Сначала незнакомец порылся в снегу, а потом опрокинулся на спину и долго катался около ствола елки. Следы походили на медвежьи, но были немного меньше. Сначала я даже подумал, что это медведь перепутал время года и поднялся из берлоги, но потом вспомнил всех наших медведей, размеры их лап и понял, что катался на снегу не медведь, а кто-то другой.

Я обошел склон оврага и нашел еще один след — неизвестный шел по глубокому снегу, оставляя после себя такую же снежную канавку, какую оставляет выдра, когда отправляется путешествовать по суше.

Оставалось одно: пойти дальше по следу. Я обошел заросли орешника, миновал небольшой березнячок и спустился в овраг...

Этот овраг я хорошо знал — здесь всегда жили барсуки. По ночам они выбирались из своих нор и отправлялись на поиски пищи. Но барсуки путешествовали по лесу только летом, а зимой спали крепким сном. Нет, этот незнакомец не мог быть барсуком. И когда я совсем убедил себя, что барсуку нечего делать зимой в лесу, что барсуки никогда не просыпаются в декабре, след привел меня как раз к барсучьей норе.

Я осмотрел ее вход, еще раз проверил следы животного и точно установил, что сегодня утром барсук все-таки проснулся и совершил небольшую прогулку. Он даже пытался добраться до земли и отыскать там какое-нибудь лакомство, но ничего не нашел, повалялся на снегу, почистил шерсть и отправился досыпать до весны.

НАШ СЛЕДОПЫТ

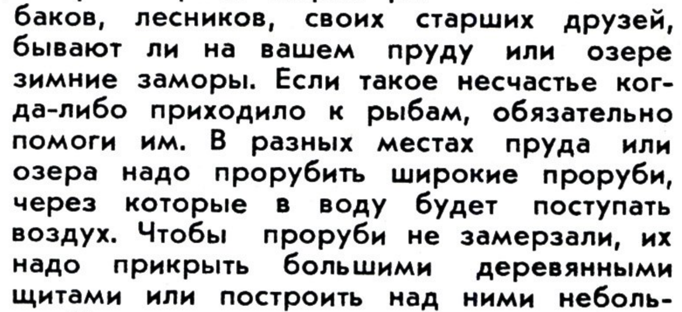

Декабрь — самый тяжелый месяц зимы. Лютуют морозы, все реже появляется солнце, все короче и короче становится день. В декабре голод и беды подкрадываются к животным.

Вспомни в декабре о зайцах. Помоги им пережить зиму. Угощай их сеном, веточками осины, которые ты заготовил еще в августе и сентябре. Где и как устроить столик для зайцев, мы рассказывали тебе во втором номере нашей газеты.

Не забудь и белок. Походи по лесу, внимательно посмотри на снег, нет ли на нем мелких еловых веточек. Если они все чаще и чаще попадаются на лесных дорожках, значит белкам в зимнем лесу приходится туго. «Белка стрижет елку, — говорят охотники, — нечем ей больше питаться, кроме еловых веток». И тогда зверькам необходима твоя помощь. Для угощения белок надо сделать в лесу небольшие столики и повесить их на деревья на высоте человеческого роста, чтобы мыши не забирались туда и не растаскивали корм. Лучшее угощение для белок — желуди и сушеные грибы. Корм зверькам надо приносить каждый день и вначале стараться не мешать им обедать. Со временем белки привыкнут к тебе. Тогда ты, подходя к кормушке, тихо посвистывай «Фиу-фиу», оставляй угощение и уходи. На следующий день снова тихо посвистывай, прежде чем положить корм. Скоро белки привыкнут к твоему сигналу и, услышав его, будут собираться около кормушки.

А жители озер и прудов? У них тоже беспокойный декабрь. Спроси старых рыбаков, лесников, своих старших друзей, бывают ли на вашем пруду или озере зимние заморы. Если такое несчастье когда-либо приходило к рыбам, обязательно помоги им. В разных местах пруда или озера надо прорубить широкие проруби, через которые в воду будет поступать воздух. Чтобы проруби не замерзали, их надо прикрыть большими деревянными щитами или построить над ними небольшие сарайчики. Надо все время следить за прорубями. Только не забудь, что любые работы на льду опасны. А поэтому лучше помогать рыбам не в одиночку, а вместе со всеми ребятами и под руководством взрослых.

Наша почта

Сейчас все птицы мерзнут и голодают. Под снегом они не могут найти пищи и ждут ее от людей. Сидят воробушки на деревьях, сожмутся в комочки и ждут, пока кто-нибудь кинет им хлебных крошек. В такое время все птицы стараются быть возле жилья человека. Сегодня я наблюдал, как одна синица прилетела к окну, а там висела сетка с маслом. Синица проклевала мешочек и стала есть масло.

г. Вологда

ЛЮДА ПОРХУН

Каждый день я кладу в лесу зайцам осиновые ветки. Поехала я днем к веткам и вижу: следов много и в кормушке пусто. И вот я решила подсмотреть за своими гостями. Лыжи зарыла в снег, а сама за куст спряталась и жду. С час, наверное, просидела, так ничего и не увидела. На следующий день опять поехала в лес. В кормушках снова пусто. Ну, думаю, все равно увижу, кто сюда ходит. Спряталась и — замерла. Было уже около 6 часов вечера. Темнеть начинало. Хотела я обратно уехать, как вчера, да вижу, что к куче веток крадется большой заяц. Сам весь белый, уши большие навострил, прислушивается, прыгнет и посмотрит: нет ли кого? Только не знаю, заметил ли он меня или нет. Подскочил к веткам, постоял и — наутек.

дер. Виркино
Ленинградской области

ТАНЯ ВАСИЛЬЕВА

НЕУДАЧНЫЙ НАБЕГ

Сегодня в лесу была первая схватка. Волки напали на лосей. Сохатые заняли круговую оборону и не пустили хищников к телятам. Так и ушли серые разбойники ни с чем.

ЗИМНЯЯ ОХОТА

На озере выдра прогрызла прорубь. Она охотится подо льдом: ловит рыбу и отыскивает лягушек. А чтобы не задохнуться в воде, выдра все время следит за прорубью и не дает ей замерзнуть.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЧИЖИ!

Сегодня к кормушке прилетели чижи. Они весело прыгают, собирая зерна. Чиж не перелетная, а кочующая птица, поэтому будет зимовать у нас. А вместе с ним останутся также щеглы.

ОСТОРОЖНО — ШАТУН!

В лесу произошла беда. Кто-то разбудил медведя. Он поднялся из берлоги и бродит по чащам. Питаться медведю нечем, поэтому встреча с ним опасна. С таким злюкой шутки плохи.

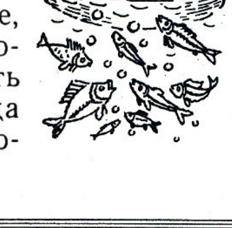

Вот и подошел последний месяц года. Задание ты уже получил. Ты отметил в своем дневнике многие события. И теперь у тебя собралась целая летопись природы за один год. Если тебе понравилось вести такой дневник, то продолжай его и на следующий год. Ты многому уже научился, многое узнал из «Лесной газеты», так что можешь сравнить старые записи с новыми и делать интересные выводы.

Расскажи своим друзьям в школе, как интересно вести дневник природы, как интересно предсказывать погоду и узнавать заранее, когда прилетят с юга пернатые друзья, когда встречать их и когда снова провожать в дальнюю дорогу. А разве не интересно вместе вести один большой дневник природы, записывать в него все самое примечательное из своих маленьких дневников? Тогда и появится у вас настоящая летопись природы.

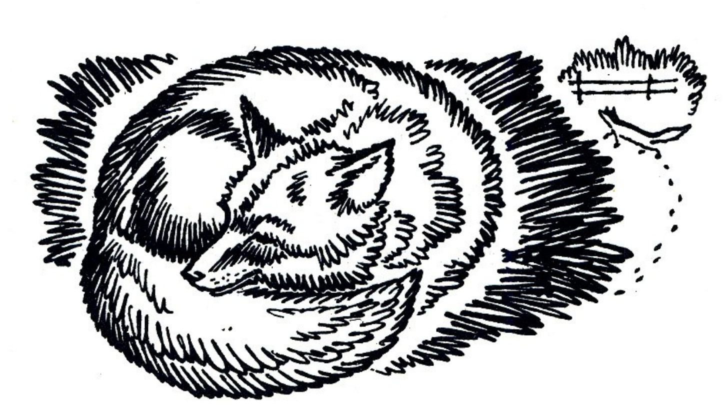

К своему же дневнику относись очень бережно. Он пригодится тебе. Когда ты вырастешь и захочешь вспомнить: а что было давно-давно в январе, в мае, в сентябре?.. — тогда ты достанешь свой старенький дневник и прочтешь о событиях, происходивших раньше на озере, в лесу, в поле, как прочел ты об этих событиях в этом году в нашей «Лесной газете». А ведь «Лесная газета» составлена из многих маленьких дневников природы, которые вели ребята.

Сорока на хвосте принесла?

Сегодня в деревне случился переполох. Кто-то ночью явился к жилью и съел у хозяйки хороший новый веник, который она забыла на крыльце. Хозяйка долго ругалась, искала разбойника, но никого не нашла. Шарик не мог съесть веник. Шарик вениками не питается. Не нужен березовый веник и коту. Разве только козы или овцы, но они закрыты в сарае и не выходят на улицу. Эта история меня сильно заинтересовала. Я не спала всю ночь и внимательно прислушивалась к каждому шороху на улице. Когда взошла луна, я увидела на снегу серенькую тень. Это был заяц. Он незаметно проскользнул в огород, обследовал сарай, двор и неслышно забрался на то крыльцо, где вчера лежал новый веник. От веника уже ничего не осталось. Тогда заяц обнюхал палки, стоящие около крыльца, выбрал одну из них и принялся грызть. Теперь я узнала, кто наведывался в деревню прошлой ночью и кто сгрыз веник, оставленный на крыльце.

Заяц убежал, а я долго не могла заснуть, посматривала по сторонам и тут увидела, как к деревне подбирается лиса. Сначала я подумала, что лиса пришла проверить, нельзя ли забраться к кому-нибудь в курятник, но тут мне показалось, что она просто подошла к пустому сараю в стороне от деревни и исчезла в нем. Совсем неслышно полетела я туда, но ничего не услышала и отважилась заглянуть в окно сарая. Свернувшись клубочком, лиса сладко спала в углу сарая. От такого открытия я чуть было не вскрикнула: разве может быть такое, чтобы лиса приходила в деревню не охотиться, а спать? Удивленная, отправилась я спать под крышу старого дома. А когда проснулась утром и захотела проведать лису, то в сарае ее уже не было. Не нашла я и следов, так и не знаю до сих пор: приходил ли на крыльцо заяц и забралась ли в сарай поспать лиса? И могло ли такое вообще быть?

Уже затянуло льдом последнюю полынью на реке, а оконные стекла давно оделись широкими плотными узорами. Наступила зима, настоящая русская зима. Теперь морозы будут стоять долго, до самой весны. Но что это!.. Еще вчера не было ни ворон, ни галок. Вороны и галки где-то прятались от холода, но сегодня они вдруг собрались в стаю и с криком носятся над деревьями. Запомни: зимой галки и вороны собираются в стаи и летают с криком только перед сильным потеплением.

И вот уже потекли ледяные узоры на стекле, хорошо стали видны за окном соседние дома. А еще утром дома прятались в морозной дымке.

Изменился и снег: будто потемнел слегка и уже не так громко поскрипывает под ногами. Изменился и сугроб у лавочки: стал пониже, осел, и ветки деревьев больше не качает ветер.

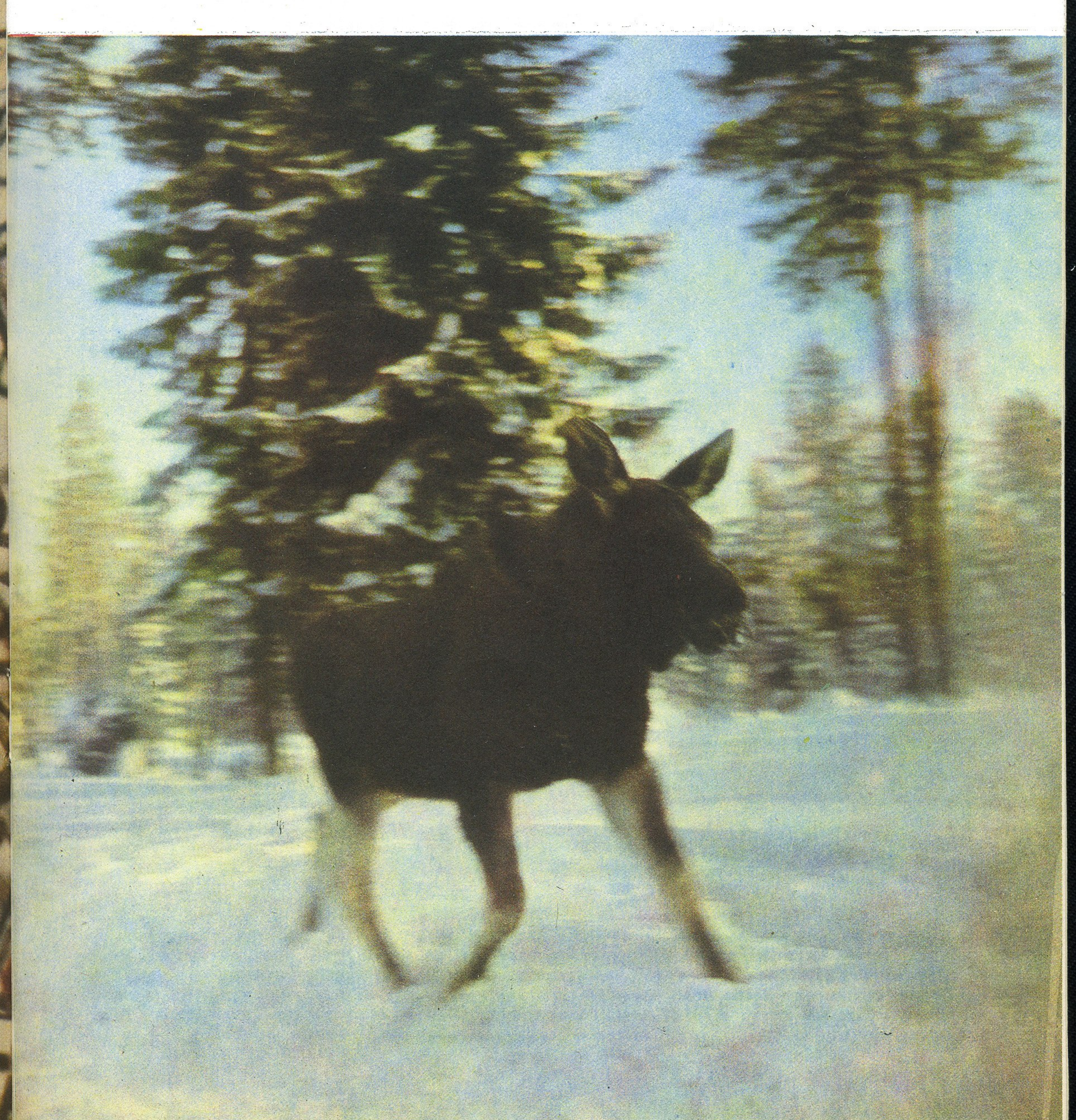
Холодный северный ветер вдруг стих, куда-то улетел, а на юге показалось к вечеру темное тяжелое облако, и от него пришел еле заметный, но теплый ветерок. Теперь твердо можешь сказать, что завтра утром станет тепло, что северный ветер с жестокими холодами вернется не скоро, снег станет мокрым и можно будет лепить снежные бабы.

Остановись, мгновенье!

Суровый декабрь — зимник — намел в лесу огромные сугробы, повесил на елях и березах снеговые шапки. Ударит ночью мороз — и долго стоит вокруг жалобный скрипучий треск. Это плачут деревья, ежась от страшного холода. Трудная пора наступила для лесных жителей. Не сладко приходится тем, кто коротает длинные зимние ночи на заснеженных лесных проселках и в глухих далеких чащобах.

Мороз морозом, но корм добывать нужно. Нет ничего слаще прихваченных морозцем ягод боярышника. И колючие ветки не пугают свиристель. Вот это обед!

Свиристель — птица зимняя, привыкшая к стуже. Круглый год живет она в наших северных лесах, кочуя с места на место в поисках корма.

Голод заставил и великана лося пройтись по глубокому снегу. Сугробы надежно спрятали прошлогоднюю, пахнущую летом и жарким солнцем траву.

Приходится обходиться корой елей и берез. И все чаще и чаще наведываться к кормушкам, что поставили на больших полянах заботливые лесничие.

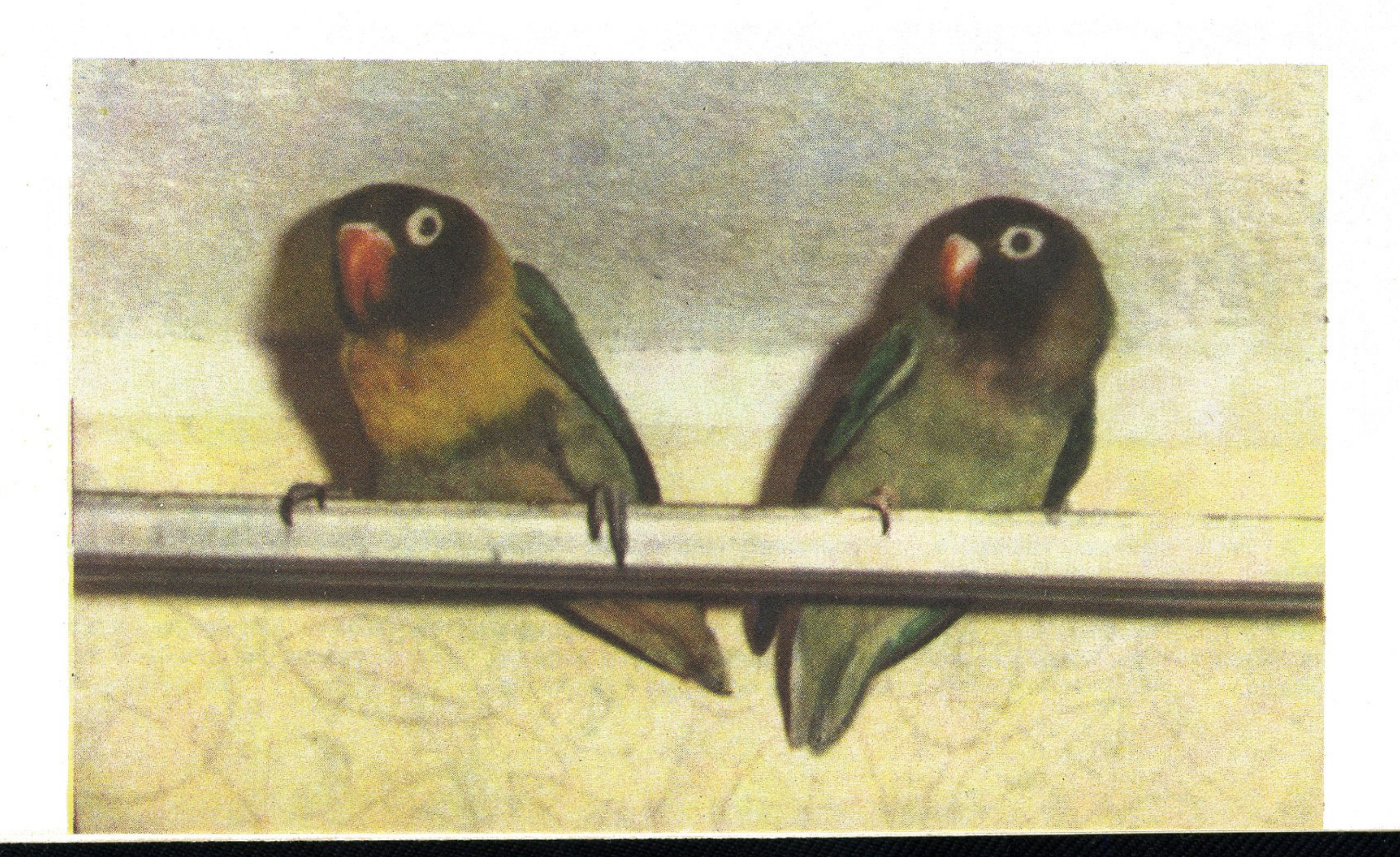
А этим лайкам горевать нечего. Если станет холодно под пушистой шубой, можно уйти в избу к людям. А пока сиди, жди желанного обеда.

Каждому принесла зима свои радости и печали. И надо пережить эту трудную пору и снова встретить полые ручьи и теплое весеннее солнце.

Фото В. Рачкова и Р. Воронова

НЕРАЗЛУЧНИКИ

Всем известны волнистые, или, как их еще называют, австралийские, попугайчики, а вот их африканским родственникам — неразлучникам не повезло. Во-первых, их именем часто ошибочно называют австралийских попугайчиков, а во-вторых, они известны только узкому кругу любителей. Это маленькие, величиной с воробья, птицы родом из тропической Африки и Мадагаскара. В отличие от волнистых попугайчиков у них короткий округлый хвост и почти полностью покрытая перьями восковица. Основной цвет оперения — зеленый. Самец и самка трогательно привязаны друг к другу и много лет живут вместе, за что эти попугаи получили название неразлучников. Некоторые считают, что после смерти одного из супругов другой, не перенеся разлуки, погибает. Это неверно. Он может долго жить как в одиночестве, так и образовав новую пару.

У нас в стране наиболее широко распространены среди любителей розовощекие неразлучники, реже встречаются неразлучники Фишера и чернощекие и уж совсем редко масковые.

Содержать и разводить неразлучников нетрудно. Эти неприхотливые птицы довольствуются даже небольшими клетками, которые необходимо оборудовать жердочками, а в гнездовой период — дуплянкой. Тогда птицам необходимо давать прутья березы, ивы, липы, рябины, которые служат им подстилкой. Неразлучники носят их под перьями на спине внутрь дуплянки и превращают в труху, в которой самка делает небольшое углубление для кладки яиц.

Неразлучники не только радуют глаз красотой оперения, но и доставляют всем немало удовольствия живым и веселым нравом. Птицы постоянно чем-то заняты: они либо деловито лазают по клетке, либо, полузакрыв глаза, самозабвенно предаются пению, либо нежно расчесывают или кормят друг друга. Но иногда в клетке птицам бывает просто нечего делать, особенно если супруги поссорятся. Все уголки клетки обшарены, петь не хочется. Сидят птицы на разных жердочках и от скуки начинают себя общипывать. Если в период вынужденного безделья попугая чем-нибудь не отвлечь, например дать погрызть ивовый прутик, эта дурная манера может стать привычкой. А тогда прощай красивое оперение! Самоощипывание, пожалуй, самая большая неприятность для любителя, который держит в клетке неразлучников.

Основной корм неразлучников: семя подсолнечника, овес, конопля, просо и канареечное семя. Птицы охотно едят белый хлеб, фрукты, морковь, капусту, почки деревьев. Минеральным кормом служит дробленая яичная скорлупа и древесный уголь. В клетке всегда должен быть промытый крупный речной песок, а в поилке свежая вода.

Неразлучники один-два раза в неделю любят купаться. Предоставьте им такую возможность: подвесьте к клетке снаружи против входа специальные купалки.

При правильном содержании и уходе неразлучники живут в неволе до 20 и более лет.

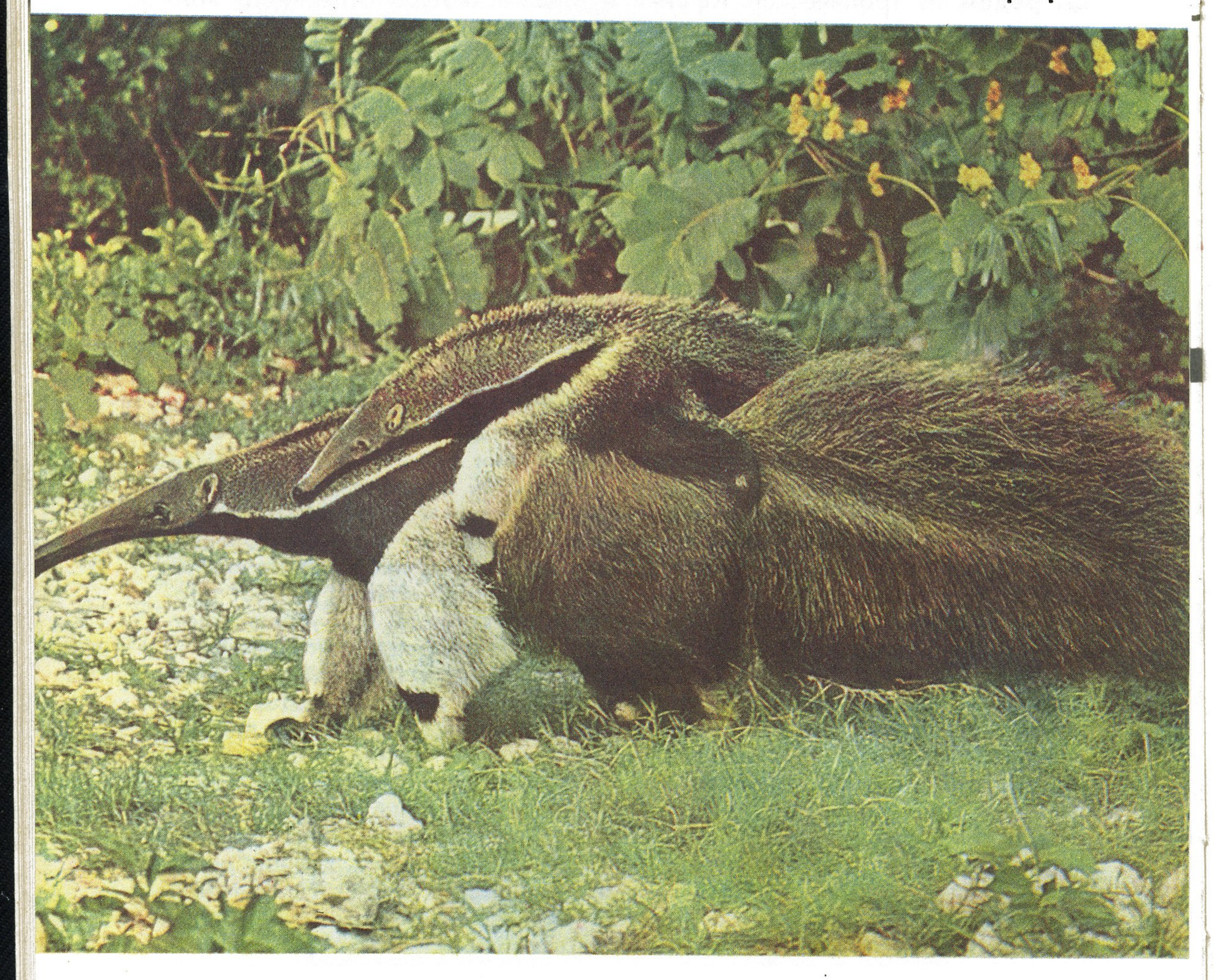
С. АШИТКОВ

УСЫНОВЛЕНИЕ МУРАВЬЕДА

Дж. ДАРРЕЛЛ

В свое время мы с женой совершили поездку за животными в Парагвай. Здесь, в отдаленной части Чако, мы собрали прекрасную коллекцию животных.

Перед самым отъездом к нам в лагерь пришел индеец с мешком, из которого доносились какие-то совершенно необычные звуки. Что-то среднее между игрой на расстроенной виолончели и ревом простуженного осла. Индеец вытряхнул из мешка прелестнейшего детеныша гигантского муравьеда. У зверя была черная, вперемежку с пепельно-серой и белой шерсть, длинное тонкое рыло и пара крошечных, довольно затуманенных глаз. Индеец сказал, что нашел муравьеда в лесу — он бродил и жалобно вопил. Его мать, по-видимому, стала жертвой ягуара.

Детеныш поставил меня в затруднительное положение. Мы улетали. Самолет был так мал, что большую часть своего снаряжения нам пришлось оставить, чтобы освободить место для пяти животных, которых мы решили взять с собой. Усыновить в такую минуту муравьеда, который весил довольно много и требовал больших забот, было безумием, не говоря уже о том, что еще никто и никогда, насколько мне было известно, не пробовал кормить детеныша муравьеда через соску. Но только я принял решение не брать его с собой, как муравьед вдруг наткнулся на мою ногу, трубя от радости, вскарабкался по ней, устроился у меня на коленях и уснул. Я молча заплатил индейцу то, что он потребовал, и, таким образом, стал отцом очаровательнейшего младенца.

Заботы свалились на нас сразу. Бутылочки для кормления у нас были, но рожки кончились. К счастью, обежав все дома маленькой деревни, мы нашли одну старую соску. После нескольких уроков младенец стал сосать молоко гораздо лучше, чем я ожидал, хотя процедура эта была мучительной.

Муравьеды в этом возрасте льнут к спине матери, и, поскольку мы, так сказать, стали родителями, детеныш все время пытался вскарабкаться на одного из нас. Когти у него были огромные, и сжимал он их с невероятной силой. Во время еды он любовно обхватывал мою ногу тремя лапами, а четвертой время от времени сжимал мой палец, так как был убежден, что это увеличивает приток молока из бутылки. В конце каждой кормежки я чувствовал себя так, будто меня помял медведь гризли, а пальцы раздавили дверью.

В первые дни я носил малыша, чтобы завоевать его доверие. Он любил лежать

на моих плечах, причем его длинный нос свешивался по одну сторону шеи, а длинный хвост — по другую. При каждом моем движении когти муравьеда в страхе сжимались, и это было больно. После того как была приведена в негодность четвертая рубашка, я решил: пусть он льнет к чему-нибудь другому и, наполнив мешок соломой, пересадил муравьеда на него. Детеныш не выразил никакого неудовольствия и между кормежками обычно лежал в своей клетке, с удовольствием сжимая замену и высовывая липкий серо-розовый длинный язык. Когда подходило время обеда, он сосал рожок так энергично, что тот вскоре из красного превратился в бледно-розовый, а в дырочку на конце стала пролезать спичка.

Как только самолет прилетел в Буэнос-Айрес, мы прежде всего решили позаботиться о своем питомце. Нам хотелось купить для него новую хорошую глянцевитую соску. С большим трудом нам удалось это сделать, но, как только мы поднесли ее муравьеду, тот был возмущен. Дико затрубив, он ловким ударом лапы выбил бутылку из руки и не успокоился, пока не увидел свой старый, потрепанный рожок. Еще много месяцев муравьед отказывался расстаться с ним.

К этому времени он уже подрос и стал самостоятельным. После ужина муравьед отправлялся на прогулку по комнате. Это было большим достижением, так как прежде стоило сделать шаг от него, как малыш начинал неистово вопить. Обследовав комнату, муравьед любил затевать игру: он проходил мимо вас, подняв нос и размахивая хвостом. Вы должны были схватить его за кончик хвоста и потянуть, а он, повернувшись на трех лапах, шлепал вас четвертой. После того как это повторялось раз двадцать или тридцать, наш питомец чувствовал себя удивительно удовлетворенным. Потом вам приходилось укладывать его на спину и щекотать брюшко минут десять. Малыш закрывал глаза и в восторге брызгал на вас слюной. Затем шел спать беспрекословно. Но стоило уложить его в постель, не поиграв с ним, как муравьед начинал брыкаться и трубить и вообще вел себя чрезвычайно неприлично.

Когда мы в конце концов оказались на борту корабля, наш приемыш отнесся к морскому вояжу не очень одобрительно. Дул сильный ветер, который чуть не валил муравьеда с ног, когда он отправлялся на прогулку по палубе. Палуба никогда не бывала в покое. Она качалась то туда, то сюда, и малыш спотыкался и жалобно трубил, ударяясь носом о переборки и крышки люков. Однако, когда погода исправилась, он, по-видимому, стал наслаждаться путешествием. Иногда я выводил его на палубу днем, и мы, присев в кресле, принимали солнечные ванны. Малыш посетил даже мостик со специального разрешения капитана. Я думал, муравьед сразил командира корабля своей индивидуальностью, но капитан признался, что хотел разобраться, где у него хвост, а где голова.

В Лондоне мы отправили муравьеда в зоопарк, хотя расставаться с ним было для нас тяжело.

Несколько недель спустя я читал лекцию о животных и решил показать зрителям своего муравьеда.

Я встретил питомца и его служителя на вокзале. Муравьед был в большой клетке, потому что вырос уже с рыжего сеттера. Услышав мой голос, он высунул через решетку на всю длину свой огромный язык, липко и любовно приветствуя меня. Люди, стоявшие возле клетки, отшатнулись, подумав, что откуда-то сбежала змея странной формы, и мне пришлось долго уговаривать носильщиков, пока один из них не расхрабрился и не погрузил клетку в машину.

Наступил торжественный момент. Под громкие аплодисменты муравьеда вывели на сцену. Пока я расхваливал его добродетели, он слонялся по сцене, время от времени гнусаво трубил и неоднократно лизал микрофон, так что следующему оратору он достался в весьма липком состоянии. В то самое время, когда я говорил аудитории, как хорошо он себя ведет, муравьед обнаружил посредине сцены стол и с мощным вздохом стал чесать свое брюхо об одну из его ножек. Успех был громадный!

Короткое пребывание на сцене совершенно испортило нашего питомца. Три дня он отказывался оставаться в одиночестве, неистово трубил, бегал по клетке и принимал корм только из рук.

Шли дни. Мы не виделись со своим муравьедом шесть месяцев, и, сказать откровенно, я думал, что он забыл нас. Хотя я очень люблю муравьедов, следует все-таки признать, что эти животные не отличаются умом. Но стоило нам окликнуть его, как он выскочил из своей каморки и бросился к сетке, чтобы облизать нас. Мы даже вошли к нему в клетку и поиграли с ним — это был верный признак того, что наш питомец узнал нас, ибо никто, кроме служителя, не смел к нему входить.

В конце концов мы попрощались со своим муравьедом. Расставание было довольно грустным: ведь мы определенно были его приемными родителями. И кто знает, быть может, в будущем году мы станем бабушкой и дедушкой прелестного младенца — муравьеда.

Перевод с английского Д. Жукова

Гарри НЕМЧЕНКО

ЗИМА НА НОСУ

Сказка-быль [1]

Ночью маленькому медвежонку Рык-Рычку стало холодно, он заворочался, поплотнее прижался к теплому боку матери и снова уснул, так и не открывая глаз.

А утром, когда протер глаза, он увидел, что вокруг все бело.

Снегом были покрыты крошечные полянки, он шапками висел на сухих дудках борщевика, припорошил кустарники и деревья. Только под ними виднелись на земле изжелта-серые да зеленые пятачки — опавшие, слегка прибитые снегом листья под березами и осинами да побледневшая за ночь отава под елками да пихтами.

— Мама, мама! — радостно сказал Рык-Рычек. — Снова пришла весна!..

Так он решил потому, что это был второй снег в его жизни — первый Рык-Рычек увидел, когда весной вслед за матерью и Топом вылез из берлоги, где он родился.

Топ фыркнул и посмотрел на Рык-Рычка свысока, а мать ласково сказала:

— Глупыш!.. Если бы сразу после осени снова начиналась весна, это было бы слишком хорошо. Но такого никогда не бывает. Это зазимок — начало зимы...

Опустив большую голову, медведица задумалась.

Хорошо ли она выбрала берлогу?.. В прошлый раз ее разбудил маленький ручеек, который пробился под корнями кедра. И хоть было еще рано, хоть можно было бы еще поспать, ей пришлось вылезать из берлоги вместе с Топом и Рык-Рычком, искать для них первую траву, греть их холодными ночами, когда зеленоватые весенние звезды подрагивают от трескучего морозца...

Не найдет ли берлогу человек?

Летом в тот конец леса, где она собиралась зимовать, из соседней деревни забредали и коровы и глупые эти барашки, но она никогда их не трогала — пусть в деревне думают, что медведей и близко нет. Она и тогда старалась держаться подальше от того места и особенно теперь, когда на волглой от туманов, пожухлой траве следы видны особенно хорошо.

Вдалеке от берлоги переживет она с медвежатами и этот зазимок, а потом, когда пойдет снег сильнее, поведет к зимовью маленького Рык-Рычка. Они пойдут по ле-

[1] *Окончание. Начало см. в № 11.*

су, а метель тут же будет засыпать их следы — попробуй потом найди.

А Топ на этот раз ляжет отдельно. Когда она ему сказала об этом, он немножко поныл, но потом все-таки вырыл себе довольно хорошую берлогу; она осмотрела ее и осталась довольна. Но как-то там будет ему одному?

Медведица подняла голову.

Топ стоял в сторонке и смотрел на Рык-Рычка. А меньший медленно шел по снегу, с силой вдавливая в него каждую лапу. После одного-двух шагов он оборачивался, смотрел на свои следы и весело покачивал пушистой мордочкой.

— Как хорошо! — сказал он, увидев, что мать наблюдает за ним. — Видно ну прямо-таки каждый коготок!..

Топ насмешливо фыркнул.

— Чего ж в этом хорошего? — спросила медведица. И терпеливо объяснила: — Ты опять забыл, малыш, что чужой след — твой помощник, а твой собственный — твой враг. По чужим следам заметишь опасность, найдешь себе пищу на охоте, а по твоим следам найдут тебя самого.

— Очень жаль, — сказал Рык-Рычек, загребая вмятины на снегу передней лапой. — А то пусть бы все увидели, что я совсем-совсем не косолапый!

— Поучи-ка его, Топ, читать чужие следы, — приказала медведица. — Я скоро вернусь...

И она пошла, стараясь ступать там, где было совсем мало снега и он должен был растаять при первом солнышке.

— Ну так, — строго сказал Топ, оглядывая поляну, и для солидности хмыкнул так, что у него получилось: р-кгы, р-кгы... — Вот, предположим, ты видишь след, — строго сказал Топ.

И в это время он увидел, что Рык-Рычек вовсе не слушает его.

Он сидел, отвернувшись от братца, и преспокойно ел снег.

Топ неслышно подошел сзади, привстал и, прижав когти к ладони, шлепнул Рык-Рычка по загривку.

Рык-Рычек ткнулся мордочкой в снег и тут же стал приподниматься, смешно покачивая задом с коротеньким хвостиком.

— Ну чего ты, чего? — обиженно спросил Рык-Рычек, поворачиваясь к Топу.

— А того, — спокойно сказал Топ, деловито отряхивая снег с носа у Рык-Рычка. — Будешь потом ползимы кашлять да сопеть. Займись лучше делом.

Пятерней он взял Рык-Рычка за макушку и пригнул его голову пониже.

— Чей это след?

— Это... соболь! — выпалил Рык-Рычек.

— Сам ты соболь! — насмешливо сказал Топ.

— Почему это я соболь? — обиделся Рык-Рычек. — Я медведь!

— Это ты-то? — удивился Топ. — Медведь? Скажите пожалуйста! — Он рассмеялся, оскалив белые зубы, затряс мохнатой головой и даже вытер лапой глаза, как будто смешно ему было до слез. — А где же твоя берлога, медведь? — спросил он сквозь смех. — Нету, да?.. Нету? А у меня есть! Своя собственная. Теперь ты понял, кто из нас медведь, а кто — нет?

Топ напыжился, и даже взгляд у него стал строже — так гордился он сейчас собственной берлогой.

— Ну и спи там один, — сказал Рык-Рычек. — И помирай со скуки!.. Захочешь дать по шее, а меня нет... Вот! — И он прищелкнул языком.

— Чш-ш! — негромко прошипел Топ. — Смотри!

Рык-Рычек обернулся и на тоненьком сучке кривой березки увидел маленького полосатого зверька.

— Бурундук! — обрадованно сказал Рык-Рычек. — Теперь вспомнил, это его следы. Вот бы с ним поиграть!..

— Лучше бы его съесть, — поправил Топ.

— Жалко, — сказал Рык-Рычек, часто-часто мигая. — Мне так жалко есть всех живых... Ведь он живой?

— Подожди-ка, — негромко попросил Топ. — Оставайся здесь, пусть он таращится на тебя. А я обойду его... Сейчас ты увидишь настоящую охоту!

И он медленно пошел вбок.

А Рык-Рычек стоял, все так же мигая, и мордочка у него была очень грустной. Ему не хотелось, чтобы Топ съел маленького бурундучка, но уж очень интересно было посмотреть настоящую охоту.

Топ был уже совсем рядом с бурундучком.

Вот он вытянул лапу, приготовившись броситься на маленького зверька...

И в это время сверху упала тяжелая шишка и больно стукнула Топа.

Топ взвизгнул и закрыл лапой глаз, а маленький бурундучок испуганно обернулся, увидел медведя и, кубарем скатившись с березы, скрылся под корнем.

Рык-Рычек поглядел вверх.

Там на большом кедре сидел бельчонок Пуш и, как гранату, держал в лапке шишку поменьше.

— Вон кто бросается, — сказал Рык-Рычек.

Топ отнял лапу от глаза, потряс головой и тоже посмотрел на бельчонка.

— Мало? — тоненьким голоском спросил Пуш. — Может, еще?.. Подставляй-ка свой черный нос!..

— Р-р-рык! — закричал Топ.

Ведь для того чтобы напугать кого-либо, ему достаточно было произнести имя своего отца.

Бельчонок быстренько скакнул вверх, пробежал по сучку, потом прыгнул, перевернув на лету пушистый хвостик, перескочил на пихту и скрылся под ее густыми лапами.

— Говорят, что этот Пуш учится в какой-то лесной школе и даже считается там отличником, — сказал Топ, снова потирая ушибленный глаз. — А по мне, так он самый настоящий хулиган!

— Почему? — возразил Рык-Рычек. — По-моему, он просто хотел спасти маленького бурундучка. — И снова спросил, задрав мордочку на Топа: — Ведь он живой?..

— Видишь ли, это сложный вопрос, — тоном старшего проговорил Топ. — Он как будто живой... И как будто бы уже нет. Потому что все равно его съедим мы, медведи... Он полуживой.

— А кто же тогда совсем-совсем живой?

— Тот, кого никогда нельзя поймать, — объяснил Топ, вздохнув. — Вот маленькая синичка, например. Мне никак не удается поймать ее...

Солнце уже оторвалось от верхушек самых высоких деревьев, уже пригрело землю, и в лесу стало теплее.

На южной стороне елей да пихт снег стал подтаивать, съеживаться, и вниз полетели капли, сначала совсем легонькие, потом тяжелее и тяжелее. Вспыхивая на солнце, они дробились о влажные сучки, мягко шлепались в пожухлые листья трав, пробивали внизу хрупкий серебристый наст.

Где-то совсем рядом послышался тоненький перезвон.

Под большим кедром несколько дней назад вспугнутый лосенок оставил глубокий след, и в него набралась вода. Ночью она покрылась ломкой коркой, но потом вода ушла ниже и замерзла на самом донышке, а первый ледок вздрагивал теперь под ударами тяжелых капель, обламывался, звенел.

Топ и Рык-Рычек подошли к следу, долго прислушивались к этому перезвону, и почему-то им стало капельку грустно.

После полудня вернулась медведица.

В зубах она несла несколько небольших корешков.

Топ и Рык-Рычек бросились к ней, но она плечом оттолкнула Топа и протянула корешки Рык-Рычку.

— На, — сказала она, — немножко подзакуси. Это очень-очень вкусные корешки!

Потом она стала обнюхивать поляну, а Топ подошел к братцу и тихонько попросил:

— Дай один?

Рык-Рычек, довольно урча, мотнул головой.

— А ты, оказывается, порядочный жадина, — негромко сказал Топ.

— Ничего не жадина, — вынув на минутку изо рта корешок, сказал Рык-Рычек. — Просто корешки и в самом деле очень вкусные.

— Топ! — позвала мать. — Поди-ка сюда! Ты попроси-ка у него еще разочек-другой, — сказала она, когда Топ подошел. — Надо, чтобы он съел все до последней крошки. Это крушина, Топ. Ведь перед тем как лечь спать, надо хорошенько очистить желудок. Потом ты пойдешь и найдешь себе сам, это недалеко за ручьем. А пока попроси у него еще разок, чтобы он съел все.

— Ну дай, жадина! — попросил Топ, слегка·теперь усмехаясь.

— Ничего я не жадина, — сказал Рык-Рычек, не переставая жевать. — Просто у меня мало осталось...

Потом Топ попросил еще разок, и Рык-Рычек, облизываясь, сообщил:

— Ничего я не жадина... Просто я все уже съел.

Топ усмехнулся — ведь это была одна из тех минут, когда он чувствовал себя совсем взрослым.

— Отправляйся, Топ, — сказала ему мать. — Потом придешь сказать нам «спокойной зимы». Мне кажется, что вот-вот пойдет настоящий большой снег.

По тайге кружила метель.

Ветер гудел над вершинами деревьев, падал на них, сбивая снег, и со свистом мчался понизу — словно на санях, взлетал с бугорка на бугорок, с пригорка на пригорок. Завьется бешеным волчком на поляне, поднимет облако снега и снова умчится вверх. А облако долго еще дымится над белой поляной, снежинки носятся друг за другом.

Рябчик Фыр уже несколько раз пересаживался на пихте с места на место, но ветер дул то с одной стороны, то с другой, и Фыру все равно было неуютно.

И тогда он, не дожидаясь вечера, выбрал минуту потише, пролетел до ближайшей поляны, сложив крылья, нырнул в снег, немножко прошел под ним и затих подремывая.

Ямку, которую он оставил на снегу, скоро занесло, а потом на ее месте вырос маленький белый бугорок, и только по нему и можно было теперь отыскать рябчикову спальню.

В затишье в глухом ельнике пережидали пургу лосиха Безрожка и лосенок Рожок. Неподалеку от них спал под кустом, поеживаясь во сне, заяц Капуст Моркович.

Кто знает, может, все они, кто в этот холодный день в лесу находился на улице, немножко завидовали тем, кто коротал зиму в теплых норках да мягких берлогах.

Бурундук Чишка, например, уже громко похрапывал, лежа на чистой подстилке из сухой травы. В маленьком черном кулачке Чишка сжимал наполовину очищенный кедровый орешек, который он не успел доесть.

Еж Работяжка еще не спал.

На земляной полочке у себя в норе он разложил всякие вкусные корешки и ходил около них, потирая лапки и довольно похрюкивая. Он никак не мог выбрать, чем бы ему хорошенько закусить перед сном — так много у него оказалось припасов.

Конечно, одному ему столько ни за что не съесть, да ведь ранней весной, еще не успеет и снег сойти, прибежит к нему Бродяжка, попросит хотя бы огрызочек. А Работяжке, что там ни говори, все-таки жаль непутевого ежика Бродяжку. Потому добрый Работяжка припас кое-что и на его долю.

А Бродяжка сейчас по отсыревшему полу крошечной своей норы мрачно ходил из угла в угол.

Иногда он останавливался у тоненького пихтового корешка, который случайно оказался в норе, потому что свешивался с потолка, и принимался жевать его, но тут же мордочка его кривилась от горечи. Бродяжка недовольно морщился и сердито сплевывал в угол.

Медвежонок Рык-Рычек, который никак не мог уснуть, ворочался у теплого бока матери и то и дело приподнимал голову, прислушиваясь к звукам на улице.

— Кто это там ходит, ма? — толкал он сонную медведицу.

Она тоже поднимала большую голову, но не слышала наверху ничего, кроме шелеста поземки.

— Это метель, — говорила она. — Спи...

— А метель белая? — спрашивал Рык-Рычек.

— Белая, совсем белая, — ворчала мать. — Спи, спокойной зимы!

— Спокойной зимы! — вежливо говорил Рык-Рычек. И снова принимался ворочаться.

Если признаться, ему скучно было без Топа. Ладно, пусть бы уж он разок-другой стукнул Рык-Рычка по шее, зато с ним было бы куда веселей!

А Топу, который впервые лежал в берлоге один, тоже было скучно, да и страшновато, пожалуй. А вдруг придут охотники? Вдруг он, Топ, не доживет до весны, не увидит больше ни маму, ни братца своего Рык-Рычка?

И Топ жалел, что вырос так быстро. «Чего хорошего, — думал он, — быть большим?»

Топ вздыхал, вспоминая Рык-Рычка. Как хорошо было бы лежать вместе! Пусть бы Рык-Рычек немного и пошалил и побаловался, Топ не стал бы его трогать, он бы только посмеялся. Пусть уж лучше бы мать наказала Топа за то, что он не наказал Рык-Рычка.

А старый медведь Рык давно спал.

Иногда он негромко ворчал и покрепче зажмуривал глаза, потому что в непогоду у него болела старая рана.

Но когда боль уходила, заросшие морщины на морде у Рыка разглаживались и на ней появлялась радость.

В такие минуты Рыку снилось, будто сидит он на пасеке, ест душистые соты. А напротив него — друг его, пасечник. Смеется в бороду и ласково так говорит: «Ешь, ешь, у меня вон сколько его, меда!..»

А над ними синее небо да белые облака, горячее солнышко, разогревшее пахучие травы. Кругом пчелы гудом гудят...

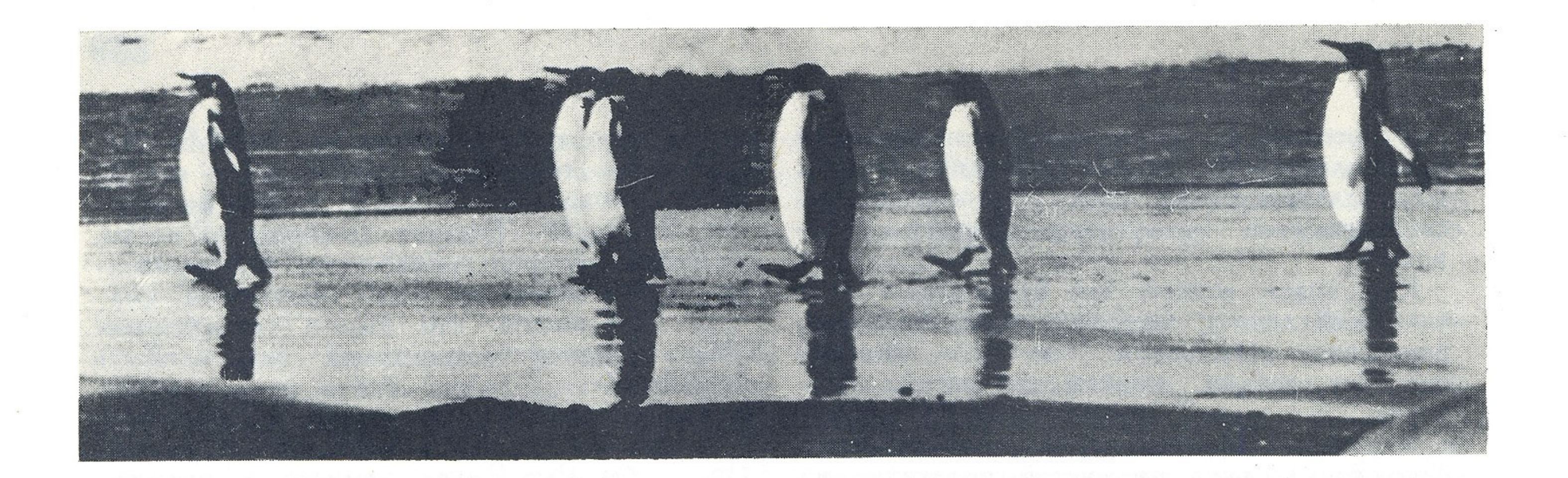
И снова крепче зажмуривается Рык, морщится — уходит от него хороший сон.

Гудом гудит, гуляет по тайге злая метель...

КЛОУНЫ АНТАРКТИКИ

Увидев пингвина, стоящего в стороне от стаи, вы тут же представите себе пожилого человека во фраке, погруженного в глубокое раздумье. Когда же он сдвинется с места и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, заковыляет к проруби, вы вспомните циркового клоуна с его уморительной походкой. Но вот пингвин приковылял к проруби, посучил лапами, походил вокруг да около и тяжело плюхнулся в воду. И тут же этот неуклюжий толстяк превратился в живую торпеду: иногда он мчится со скоростью 30 километров в час, ныряет на 20 метров и вообще чувствует себя как рыба в воде.

Пингвины узнают друг друга «в лицо» и по голосу. Говорят, такой же способностью обладают лебеди и гуси. Когда пингвиниха вылезает из воды с добычей и возвращается в колонию, она издает звук, на который из тысячи птенцов бежит лишь один. Его она и кормит. Чужих детей, которые хотели бы поживиться за ее счет, пингвиниха прогоняет. И только если погибает ее собственный, она обращает внимание на других. Но лишившаяся малыша пингвиниха проявляет свои материнские чувства так бурно, что чужие птенцы в страхе бегут от нее, прячутся в сугробах, где зачастую гибнут от мороза. Вообще смертность среди детенышей пингвинов довольно высокая. Во многом это объясняется холодами и снежными бурями. Но даже когда в природе тишь да благодать, пингвинята не могут гулять без опаски, где им вздумается: если на каждого цыпленка есть свой коршун, то на пингвиненка есть свой хищник — поморник, который бьет пингвинят с лету и ворует пингвиньи яйца.

Мать откладывает единственное яйцо на голый лед, потому что сильные ветры не позволяют соорудить гнездо. Пингвин-отец кладет яйцо на лапы и прикрывает его складкой живота. А так как температура его тела высокая, то даже при тридцатиградусном морозе яйцо не замерзнет. Пингвин терпеливо высиживает его примерно 60 дней. Все эти два месяца ему приходится поститься, в то время как мать отдыхает на море, часто удаленном от колонии на много километров. Мало того, когда малыш, наконец, появляется на свет, изнуренный голодом отец еще подкармливает его пищей, которую он специально хранит в зобу. И лишь после того как долгожданная пингвиниха показывается на горизонте, засидевшийся и изголодавшийся пингвин-папа спешит к морю.

Мы знаем, как пингвины попадают в воду. Но вот как они выбираются на сушу? Ведь берег крутой, а высота торосов и скал редко бывает меньше полутора метров. Вы думаете, бескрылая птица не способна взять такую высоту? Может, какая другая, но только не пингвин. Сначала он подплывает к берегу и на глаз прикидывает высоту. Потом отплывает в море, разгоняется под водой; пулей вылетает на воздух и плюхается на лед. Бывает, пингвин просчитается и ударится о ледяную стенку. Так недолго и кости переломать. Конечно, но у пингвина есть великолепные амортизаторы. Перья у птицы короткие и частые. Они стоят дыбом, а на концах немного загнуты. Вместе с подкожным слоем жира они смягчают любой удар.

Увальней-пингвинов не назовешь скороходами. Но если им куда-то надо срочно попасть, они ложатся на брюхо и, быстро-быстро перебирая крыльями и лапами, скользят по льду. Устав, снова встают на ноги и топают дальше, время от времени поглядывая на солнце — оно им служит ориентиром.

Понятие «пингвин» у многих обязательно ассоциируется с материком Антарктида. В Антарктиде живут только императорские и пингвины Адели. Другие виды этих птиц обитают на антарктических островах, а некоторые — у берегов Африки и Южной Америки. Один вид гнездится на тропических островах Галапагос.

Пингвины очень доверчивы. Однажды один из сотрудников американской антарктической станции принялся фотографировать колонию пингвинов Адели. Перезаряжая камеру, он уронил кассету, которая упала рядом с птицей, высиживающей яйцо. Человек осторожно протянул руку и нащупал кассету, нечаянно коснувшись тела птицы. Так как та не проявляла беспокойства, человек подумал: а что будет, если... Он подсунул кулак, пингвин немного поерзал, а затем, довольный, уселся на него, как на яйцо.

Пингвины не только доверчивы, но и очень любопытны. Английский натуралист-полярник рассказал, что когда эти создания слышали песню, то гурьбой спешили к людям. Правда, им нравилась не любая музыка. Когда заводили серьезную, то есть классическую, музыку, пингвины кучками стояли вокруг патефона, с удовольствием прислушиваясь к звукам. Но стоило мелодии стать более бойкой, как слушатели начинали проявлять беспокойство. А лихой шейк вызывал у них неприязнь. Какое-то мгновение пингвины еще стояли в смущении, потом вдруг отворачивались и решительно удалялись прочь...

Пингвины просто еще не совсем познакомились с человеком, но они уже друзья с ним. Поэтому не случайно на станциях, расположенных вблизи колоний этих смешных толстяков, человек уже вывесил таблички: «Берегите наших больших друзей — пингвинов!»

Перевод с немецкого Н. Ануфриевой

Магеллановы пингвины.

АХМЕТ

Вы знаете Ахмета?

Нет, вы, наверное, не знаете этого мальчика, маленького овцевода, лихого наездника.

Впрочем, если вы побывали в бескрайной степи с таким длинным названием: Сары-Ишик-Ортау, что возле озера Балхаш, и видели скачущего на буланом коне мальчика лет двенадцати, то это и был Ахмет, сын чабана Сарсенбая.

Вы спрашиваете, куда он так спешил? Так ведь Ахмет торопился на соседнюю зимовку к табунщику дедушке Боранбаю за помощью....

Впрочем, лучше расскажем все по порядку.

Весна в этом году была затяжная: то устанавливались ясные дни и солнце сгоняло с земли неглубокий снег, то опять начинался буран и необъятная степь до самого горизонта заволакивалась белым покрывалом.

А потом произошло самое неприятное. Снег сменился дождем, а ночью ударил мороз, и степь покрылась ледяным панцирем. Ледяная корка была такая крепкая, что овцы уже не могли добывать себе корм из-под снега.

Утром Сарсенбай прошелся возле кошары, попробовал снежный наст каблуком и покачал головой, а потом сказал Ахмету: «Мы с Умаром разбросаем сено и подкормим овечек, а ты садись на Буланку и гони к дедушке Боранбаю, передай привет и скажи, чтобы собрал свой табун и сюда пригнал».

— Папа, — удивился Ахмет, — а зачем же весь табун гнать? Пусть сам дедушка приедет...

— Нет, сынок, нам как раз весь табун Боранбая понадобился.

— А зачем?!

— Сам потом увидишь.

До зимовки табунщика километров пятнадцать, можно сказать, совсем рядом. Ведь в степных краях расстояния считаются на сотни километров, а десятки в счет не идут.

Прошло часа три. На горизонте появилось множество точек. Они быстро приближались.

Слышался глухой топот тысяч ног и хруст ломающейся ледяной корки. Сзади ехал дедушка Боранбай. В руках у него был длинный шест — укрючина с арканом для ловли лошадей. Помахивая укрючиной, старый коневод направлял табун к стоянке Сарсенбая.

Кони шли развернутым фронтом, и сзади них оставалась широкая полоса разрыхленного снега.

Ахмет ехал, торжествуя. Он давно понял, что под мощными копытами лошадей рушится ледяная корка, и овечки по их следам смогут легко добывать себе корм.

Г. ЧЕРНОВ

НЕПОСЕДЫ

Увидела я как-то в зоомагазине сирийского хомячка. Он был меньше ладони, с милой мордочкой, в мягкой рыженькой шубке и так понравился мне, что я решила его купить.

Поместили хомячка в деревянный ящик, в котором раньше жила морская свинка. Поставили в ящик блюдце с водой и небольшую картонную коробку с ватой для постели. Дочка дала ему морковку, овсяные хлопья, и он занялся обедом, а мы своими делами.

Через некоторое время заглянули мы в ящик, а хомячка не видно. «Наверное, спит»,—решили мы. И вдруг Катя закричала:

— Мама, да вот он!

Хомячок спокойно сидел под столом и точил зубы о его ножку. После того как мы опять посадили его в ящик, он забрался в спаленку и затаился.

Но мы не поверили ему и, спрятавшись, стали наблюдать. Уж очень нам хотелось узнать, как он из ящика выбирается: ведь стенки у него высокие.

Смотрим, вылезает Хомка из спаленки, взбирается на нее, потом встал на задние лапки, а передними стал тянуться к краю ящика. Дотянулся, ухватился покрепче и, как гимнаст на турнике, повис на передних лапках. Затем подтянул задние и спрыгнул с ящика.

На ночь ящик закрыли железным листом с дырочками. Утром хомячка в ящике не было, а лист был сдвинут в сторону. Вот так история... На следующую ночь на железный лист поставили тяжелый утюг.

Утро было воскресное, и первой встала дочка. «Мам, пап! — крикнула она из кухни, — а он опять убежал!» — «Не может быть, — сказал папа, — такой тяжелый утюг ему не сдвинуть». — «А он и не сдвигал, вот догадайся, как он убежал». — «Ничего не понимаю», — сказал, одеваясь, папа.

Мы молча стали осматривать место происшествия: в нижнем углу ящика зияла небольшая дырка.

Иногда и сам Хомка попадал в беду, оставшись один. Возвращаемся мы как-то домой вечером, а его нигде не видно. Искали его, искали: нету, пропал. Как же быть, ведь никаких звуков хомячок не издает. Прислушались, не скребется ли где. Ничего не слышно.

И вдруг, открывая кухонный шкаф, я заметила, как что-то мелькнуло в большой стеклянной банке. Это был Хомка. Как он туда забрался, до сих пор никому не известно. Только был он весь мокрый, замерзший и чуть не погиб: еле-еле выходили. После этого случая мы всерьез задумались над тем, где же его поселить. Нужна была клетка, но какая? Наконец папа сказал, что сделает для него специальную клетку. Через несколько дней она была готова. Это был большой железный ящик: одна стенка у него открыта, и в нее вставлена решетка из трехмиллиметровых медных прутьев. «Теперь ты никуда не убежишь, — сказал папа, — и удобно тебе будет».

Рис. С. Аристокесовой

Несколько дней мы каждый вечер сидели у клетки и любовались хомячатами. Теперь их у нас было двое: чтобы Хомка не скучал, мы купили еще одного. И чего они только не вытворяли! У каждого была своя спаленка. Дуся, так мы назвали второго хомячка, устроила в своей спаленке кладовую. Ведь хомячки очень запасливы: и то, что у нее оставалось после завтрака, обеда или ужина, она в защечных мешочках переносила в свою кладовую. В такие моменты казалось, что за щеками у нее спрятаны два надутых шарика.

Так прошло несколько дней. И однажды ночью зверьки перегрызли медную проволоку и сбежали. Искали их долго, слушали, не доносится ли откуда-нибудь шорох. Даже часы остановили, чтобы не мешали. И услышали — шорох шел из шкафа: там среди белья, разорвав в мелкие кусочки мой носовой платок, уютно расположились хомячки.

Вот какие это непоседливые и любопытные животные.

В. ЧЕРНОГОРОВА

Внимание, читатель! Открыв эту страничку журнала, ты попадешь на последнее в этом году заседание Клуба Почемучек. Как всегда, ведет его всем известный выдумщик и фантазер барон Мюнхгаузен.

— Превосходно! Однако извольте с этим не согласиться. Дело в том, что мое появление в Клубе Почемучек — история самая невероятная из всех, описанных в известной книге моих приключений. Невероятным является то, что стоило мне попасть на страничку журнала, как в словах моих исчезла всяческая болтливость. И хоть речь шла о самых необыкновенных явлениях в жизни животных и растений земного шара, рассказы о них — истинная правда.

Посему напоминаю, коль скоро у кого-то осталось о моей особе представление как об известном старом болтуне, прошу считать такую характеристику ложной и устаревшей. Пользуюсь предоставленным мне высоким правом и открываю заседание Клуба торжественным событием.

— Прошу вас, глубокоуважаемые члены жюри, назовите имена тех Почемучек, кто получит награды журнала «Юный натуралист».

Агафонов Миша (г. Киев), **Кружок юннатов Дома пионеров** (г. Льгов), **Рокитский Владимир** (г. Фастов), **Курант Сергей** (г. Винница), **Балацкий Николай** (г. Новосибирск), **Давидовская Маша** (г. Минск), **Шумилина Таня** (г. Минск), **Никишова Марина** (г. Краснодар), **Шальский Витя** (г. Барнаул), **Петрова Лариса** (г. Пенза), **Шилин Миша** (Ленинград), **Лебедев Сережа** (г. Льгов), **Топчий Владимир** (г. Николаев), **Мосеев Виктор** (г. Рига), **Лукьяненко Вера** (г. Керчь), **Шишова Люда** (г. Дзержинск), **Серегина Лена** (г. Кострома), **Дегтяр Оля** (г. Саратов), **Ермоленко Зина** (п. М.-Коцюбинск Черниговской обл.), **Панфилова Оля** (г. Бельцы), **Зудочкина Аля** (г. Саратов), **Голобородько Сергей** (с. Коноваловo Белгородской обл.), **Дементьев Александр** (г. Енакиево), **Никитин Александр** (г. Воронеж), **Волков Саша** (п. Ладва КАССР), **Левкевич Светлана** (г. Минск), **Соболев Николай** (Москва), **Чумаковы Андрюша** и **Саша** (г. Пермь), **Демин Юрий** (г. Воронеж), **Максиматкин Игорь** (Москва), **Сиротенко Юра** (д. Жабино Ленинградской обл.), **Хиль Виктория** (г. Одесса), **Голюс Владимир** (г. Славута), **Деревянченко Игорь** (г. Кишинев), **Буторина Марина** (г. Новосибирск), **Березка Вова** (г. Запорожье), **Веливок Володя** и **Сережа** (г. Новомосковск), **Ольвовская Рита** (Москва), **Карелина Лена** (Москва), **Корольков Георгий** (г. Виляны), **Бородин Владимир** (с. Доброе Липецкой обл.), **Новгородченкова Ира** (г. Анжеро-Судженск).

— Браво, Почемучки, браво! Поздравляем членов Клуба. И пусть не огорчаются те, кто не получил посылку из редакции. Смею утверждать, что награду получил каждый из вас. Да, да, каждый, кто со вниманием слушал на заседаниях Клуба рассказы естествоиспытателей и путешественников, отвечал на самые каверзные вопросы, кто старательно и добросовестно выполнял задания ученых.

Именно в это самое время вы открывали множество тайн, узнавали новое, до сих пор неизвестное. Это ли не награда для истинного Почемучки?!

А лучшее доказательство того, что вы узнали много нового, — это ваши письма.

Зачем я это сделал?

Как-то, гуляя в лесу, мы нашли гнездо — большое, свитое из прутьев. Гнездо мы не разорили, а задумали взять птенцов, когда они выведутся. Терпеливо и долго ходили мы к гнезду. Узнали, что это совята. Вот мы и взяли себе по совенку. Поселил я своего в клетку. Ну и помучился с ним! Есть из рук он не хотел, приходилось засовывать ему пищу в рот. Потом я догадался, что кормить его надо вечером или ночью — ведь это совенок. Я уже хотел отнести его назад, но гнездо давно опустело. А совенок совсем занемог. Сидел в углу клетки сгорбившись и ничего не ел. Через несколько дней я нашел его мертвым. До сих пор я мучаюсь: и зачем только взял его из гнезда?

Теперь буду только помогать больным и раненым. Буду ставить кормушки для животных, а не предлагать им свою нелепую помощь.

Анатолий Козловский

г. Тулун
Иркутской области

Медведыч

Хочу вам рассказать об одном человеке, леснике. Его зовут Николай Илларионыч Медведев, или, как мы его просто называем, Медведыч. Мы — это я, Сережка и Маришка. Он на нас за это не обижается, а только смеется. Это необыкновенный человек! Он берет нас с собой в лесную сторожку. Что это за домик, если бы вы только видели — целое царство зверей: тут и заяц, и сорока, и черепаха, и еж. Стоит нам только зайти в сторожку, как скворец кричит что-то на своем языке. Это он здоровается с нами, и мы все отвечаем скворцу: «Привет!» А вечером Медве-

дыч рассказывает нам невероятные истории, многому даже и поверить трудно.

— Ну так вот, — начинает Медведыч. — Давно это было. Встал я как-то утром, вышел, как всегда, в лес проверить, все ли в порядке. Гляжу, а под невысокой елочкой олененок лежит, такой махонький и такой бессильный, что смотреть жалко. Олениху, видно, волки загрызли или еще какая беда стряслась. Дело зимой было. Холодно, озяб олененок, да и нога переломана.

«Малыш» — назвал я его. А потом пожалел, что дал ему это имя. Он рос с такой быстротой, что скоро стал мне по пояс. Однажды прихожу домой из леса и вижу: на полу тарелки битые, скатерть вся порвана и изжевана, а Малыш мой лежит на полу, придавленный огромной скамейкой. Вывел я Малыша из дома. Повел он ноздрями, сделал шаг, а потом как выскочит и скорей в лес. Три дня я его не видел. На четвертый под вечер слышу, кто-то скребется за окном. Открываю дверь — Малыш! Весь ободранный, испуганный. Открыл я дверь, вошел он и лег.

Наутро узнал я, что пришла беда, коей и не ждали. Война! Я в ту пору в партизаны ушел. А Малыш, как услышал первые выстрелы, убежал неизвестно куда. Не видел я его целый год.

И вот как-то стою я в дозоре. Вдруг гляжу, выходит кто-то из-за деревьев. Я было за ружье, думал, фашист, а это Малыш мой. Подошел ко мне и трется о ноги. Хотел я его погладить, а он как вздрогнет. Тут заметил я, что кровь капает у него из шеи. Да, видно, пуля догнала моего Малыша. Повел я его в отряд.

— Разрешите оказать помощь мирному жителю леса, — говорю командиру.

Врач перевязал Малыша. Выжил олененок, молодой еще был.

Медведыч замолчал и посмотрел на нас.

— А ну спать!

Мы просим:

— Ну еще, пожалуйста.

Но Медведыч строг и ни на какие уговоры не пойдет. Мы ложимся на пол, где он постелил тюфяки. Заяц давно спит, сорока тоже, и только скворец нетерпеливо прыгает по окну и что-то лепечет на своем языке.

Николай Батищев

г. Белореченск
Краснодарского края

Пусть будет больше черепах

Совсем недавно пошли мы с братом на пруд ловить рыбу. Поймали несколько небольших карасей. И вдруг у брата клюнуло, и он вытащил на берег не огромного карася, как предполагал, а водяную черепаху. Она поймалась на обыкновенного дождевого червя. Черепаха была небольшая и гораздо темнее сухопутной. Крючок зацепился за ее нижнюю губу. Мы его осторожно вынули, а черепаху отпустили. Пусть у нас в пруду будет больше черепах!

Аля Зудочкина

г. Саратов

Кот в сапогах

Это был удивительный кот и очень красивый. Весь черного цвета, только горло, полоска на голове, пальчики на передних лапках и половина задних ног были белыми. Словом, кот в сапогах.

Кота мы назвали Сэм. Кроме него, у нас еще была собака — большой черный дог по кличке Дик.

С первых дней пребывания у нас Сэм показал себя достойным представителем своих хищных предков. Он очень быстро освоился и через несколько дней избивал огромного Дика. Самым любимым его развлечением было дергать Дика за длинный хвост.

Во дворе у нас был большой сад. Сэм чувствовал себя в нем хозяином. Очень быстро он завладел «джунглями» и отвадил всех случайных посетителей. Куры и голуби больше не появлялись.

У нас и раньше всегда жили кошки, но Сэм поражал всех своим умом и сообразительностью. Он никогда не позволял себя гладить, и если кто-то пытался взять его на руки, у того долго после этого не заживали раны.

Сэм не понимал таких сигналов, как «кис-кис». Он просто не обращал внимания на эти звуки. Но стоило произнести его имя, как он немедленно выходил из «джунглей». Мы его ничему не учили, но он выполнял почти все команды, которые подавались Дику. Ходил он всегда рядом с «ногой» человека. Отлично знал всех в доме и к каждому относился по-своему. За мной, например, он бегал по всем комнатам и, как собака, хватал меня за ноги, когда настигал.

Однажды у нас в сарае появились крысы. Сэм в течение недели переловил все семейство, но он их не ел, а складывал в кучу. Словом, что только он ни делал, он все делал по-своему.

Но вот нам дали новую квартиру. Сэма мы забрали с собой. Но он каждый раз уходил на старую квартиру. Мы его находили там под развалинами.

Однажды, когда он был на старой квартире, его забрали чужие люди. Кота не было восемь дней. И все-таки он сбежал от новых хозяев и вернулся к нам.

Интересно, что каждый раз, когда он возвращался (а это было всегда около 10 часов вечера), он не подходил к дверям подъезда — боялся людей, а выглядывал из-за угла дома и только на наш голос выходил из засады и бежал к нам всегда с каким-то особенным криком.

Виктор Имунс

г. Рига

Солисты зимнего хора

Первый раз в этом году снегири запели 11 февраля, синица большая — 13 февраля. Первый раз забарабанил большой пестрый дятел 18 февраля. Поползни начали свистеть в февральские солнечные дни.

Вадим Гололобов

г. Благовещенск

Необычная еда

В середине мая я пошел в лес. Гуляя по лесу, я наткнулся на болотце, заросшее кустами ивы. Листья еще только начинали распускаться. По самым нижним веткам прыгала небольшая серая птичка. Я сразу узнал ее. Это была серая славка.

Птичка быстро нагибалась и, коснувшись клювом воды, тут же поднималась и перепрыгивала на другую ветку.

Я думал, что она пьет, но славка прыгала довольно долго. Я подошел к самой кромке воды и присел, чтобы понаблюдать, что она делает. Птичка сначала испугалась и взлетела, но вскоре перестала обращать на меня внимание. Тут я увидел, что она достает из воды что-то и ест.

Оказалось, она ела личинки комаров. Насекомых еще было мало, и это, повидимому, заставило ее добывать себе пропитание таким необычным способом.

Виктор Лукиянов

г. Артемовский

— Дорогой старик Хоттабыч, ты просил рассказать сказку или легенду о цветке. Слушай, что удалось мне узнать о ноготке. Среди лепестков твоего волшебного цветика-семицветика есть и лепесток ноготка.

Ноготок

Вот какую историю, больше, правда, похожую на сказку, рассказал нам этот цветок.

В давние времена, когда землей правил могущественный царь Горох, в бедной крестьянской семье родился мальчик, которого назвали Заморышем. Был он очень слабым и болезненным и, может быть, потому решил стать врачом. Когда исполнилось Заморышу 12 лет, взял он в руки посох, повесил через плечо котомку с хлебом и отправился куда глаза глядят уму-разуму учиться. Целых восемь лет не было о нем ни слуху ни духу. Умерли отец и мать Заморыша, и люди забыли о нем...

Но вот пронесся по деревне слух, что появился человек, который лечит людей от всяких болезней. Да не ворожбой лечит, не заговорами, а напитками чудодейственными. Многие узнали в нем Заморыша. И потянулись к лекарю люди. Всех лечил добрый человек, никому не отказывал. А в благодарность за это жители деревни одевали и кормили его. Далеко разнеслась слава о Заморыше. И никто уже не шел к бабке-ворожее Абракадабре. Бабка сохла от злости на глазах. И решила она отомстить Заморышу.

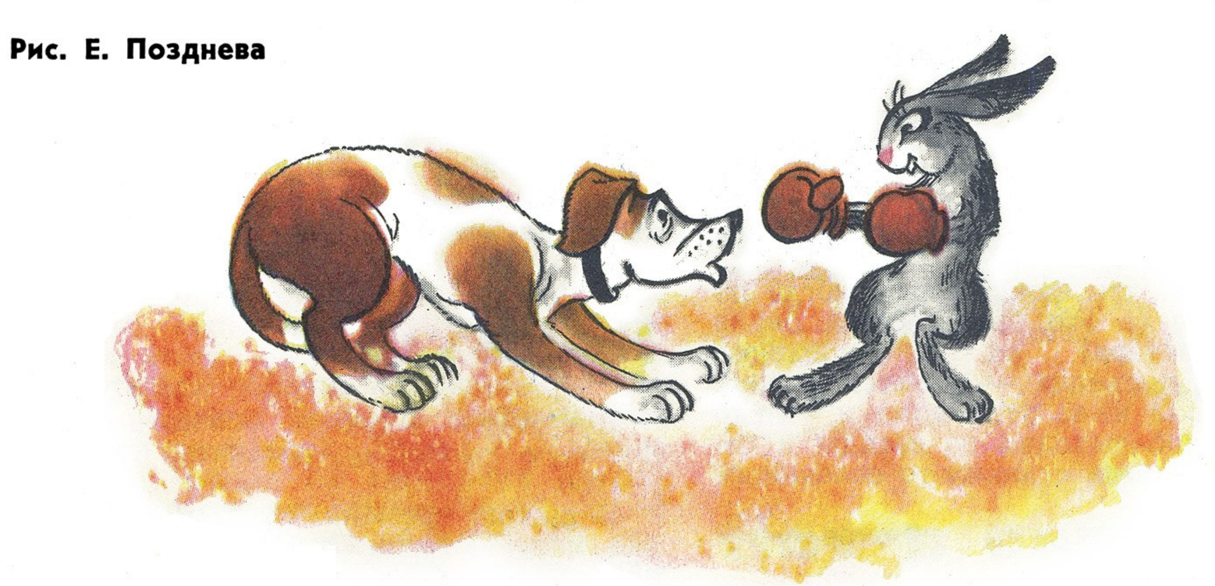
Пригласила Абракадабра Заморыша в гости и поднесла ему кубок золотистого вина. Ничего не подозревая, выпил Заморыш вино и распрощался с бабкой, но едва успел дойти до дома, как почувствовал, что близок его конец. Позвал тогда Заморыш всех жителей деревни и завещал после смерти закопать ноготок с левой руки под окном бабки Абракадабры. Просьба его была выполнена...

Вскоре вырос под окном Абракадабры золотистый цветок. Жители деревни очень любили его и назвали ноготком. А цветок-ноготок лечил их своими чудесными венчиками от многих болезней.

А бабке не давал он покоя ни днем ни ночью. И ушла Абракадабра из деревни. Все про нее забыли, а вот Заморыша до сих пор помнят.

г. Минск **Маша Давидовская**

Рис. Е. Позднева

Храбрый заяц

Пошел я в лес за подснежниками. За мной увязалась соседская собака. Идем мы, идем, как вдруг из-под ног выскочил заяц. Собака за ним! Но заяц и не думал удирать. Выскочил на поляну, вытаращил глаза, а сам еще не полностью перелинял: на спине торчат клочья белой шерсти. И стоит как вкопанный в старом тулупе, подняв переднюю лапу. От этой заячьей смелости собака струсила и только бегала, лая, вокруг пня. Смелый заяц долго не убегал, а потом как бы опомнился, перемахнул через собаку и помчался в березняк. Собака с лаем за ним, но где тут: потеряла след и вернулась.

А я, набрав подснежников, пошел домой. Мне было весело. Еще бы: смелого зайца встретишь не часто!

Саша Жбан

г. Ярцево
Смоленской области

Спасли ершей

Летом особенно много работы, и наши ребята не сидят сложа руки. Как-то мы поехали на озеро ловить дафнии для рыбок. Домой возвращались в три часа дня. Нещадно палило солнце. Внезапно мы увидели перед собой небольшое болотце. Но не оно привлекло наше внимание. В нем копошились какие-то существа. Каково же было наше удивление, когда, приглядевшись, мы увидели, что это ерши. Вода в болотце была очень теплая, и некоторые ерши уже погибли. Теми же сачками, которыми мы только что ловили дафний, мы стали вылавливать ершей и пускать их в озеро. За два часа мы облазили все мелкие болотца и спасли много рыбок.

Александр Ткаченко

г. Николаев

Воробьи помогли

В этом году, как и в прошлом, у нас на балконе устроили гнездо голуби — Аристократ и Черныш. Мама была очень недовольна этим. Ведь не удержишься и возьмешь в руки голубенка, а с него на руки устремляются целые полчища блох. Но вот мы прочитали в «Юном натуралисте» рассказ К. Н. Благосклонова «Предусмотрительные воробьи» о том, как воробьи, спасаясь от блох, выстилали внутри все гнездо веточками полыни. Мы решили поступить так же. И уж полыни-то мы не пожалели! Результаты налицо: птенцы без единой блохи, и мы можем без опаски вести за ними наблюдения. Все довольны: и мы и мама.

Таня Шумилина

г. Минск

— Весьма сожалею, друзья мои, но пришло время закрывать заседание Клуба. Но мы и сегодня не отступим от нашего правила и зададим несколько «почему?». Поскольку наше заседание последнее в этом году, то и ответы на вопросы вы узнаете сразу же.

— Сосет ли медведь лапу в берлоге? — спрашивают Наташа Копыницкая из Красноярского края и Витя Капустяк из Черновицкой области.

Какая польза медведю сосать лапу? Давайте вспомним, как проводит медведь зиму в берлоге. Он не впадает в настоящую спячку, у него не снижается температура тела, не происходит оцепенения. Медведь просто спит, причем даже не очень крепко, часто просыпается. А медведица приносит в берлоге медвежат и выкармливает их.

Чтобы прожить долгую зиму, медведю надо с осени накопить много жира. Ведь медведь в берлоге ничего не ест, разве что сосет лапу.

Это поверие очень старое. Известный сибирский писатель и охотник А. А. Черкасов еще более ста лет назад решил проверить эту примету. Он осматривал добытых в берлоге медведей и убедился, что лапы у них вовсе не обсосаны и даже грязь на когтях остается. Однако А. А. Черкасов пишет, что опытные следопыты-эвенки говорили ему, будто медведь перед выходом из берлоги скоблит когтями кожу на лапах и ест ее. Оказалось, что это не выдумки. Подлинную причину такого странного явления зоологи узнали позже.

В конце зимней спячки у медведя меняется кожа на мозолистых подошвах лап. Кожа чешется во время линьки, вот медведь и облизывает все время лапу.

— Долго ли живут бабочки? — спрашивает Ира Варганова из поселка Майский.

Отвечаю на твой вопрос, Ира. Все бабочки живут очень недолго. Основная задача бабочек — отложить яички. Долго идет развитие бабочки от яйца до взрослого насекомого. Вред приносят только гусеницы. А сами бабочки ничего не едят или пьют цветочный сок, помогая растениям опыляться. У некоторых бабочек совсем не развит ротовой аппарат, они не могут есть и живут только за счет питательных веществ, накопленных гусеницей. Это бабочки шелкопрядов, монашенки, златогузки, павлиноглазки. Они живут от нескольких часов до 2—3 дней. Почти все дневные яркие бабочки живут около двух недель, а летают все лето. Это потому, что у них бывает несколько поколений за лето, одни бабочки погибают, другие вылетают... Те бабочки, которые появляются ранней весной — крапивницы, лимонницы, — живут дольше. Появляются они поздней осенью и перезимовывают долгую зиму где-нибудь в щелях, на чердаках, а с первыми солнечными лучами вылетают.

— Почему иволга может поедать ядовитых гусениц, а другие птицы не могут? — спрашивает Оля Моисеева из Караганды.

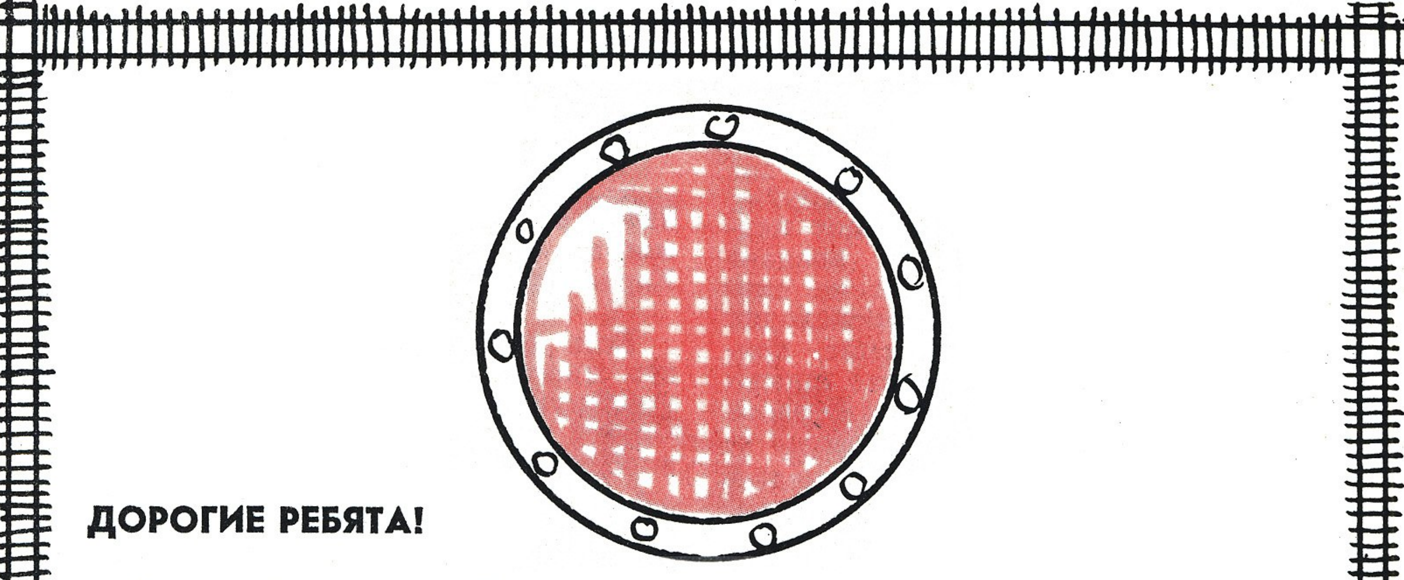
Есть ядовитых волосатых гусениц могут многие птицы. Особенно славится этим кукушка. Стенки желудка и пищевода у нее более твердые, и ядовитые волоски ей не вредят.

— А теперь, друзья мои, позвольте распрощаться с вами. Мне давно пора вернуться на книжную полку, что я без промедления и сделаю. И, уверяю вас, лежа на своем старом диване, попыхивая трубкой, я, повторяю, буду с огромнейшей радостью вспоминать встречи с вами как самое необыкновенное приключение, какое только когда-либо со мной случалось. Прощайте, друзья мои Почемучки!

ОТ РЕДАКЦИИ. Члены жюри Клуба Почемучек и редакция журнала «Юный натуралист» благодарят всех ребят, кто принимал участие в работе Клуба, и сообщают: выполняя просьбу многих ребят, принято решение — Клуб Почемучек не закрывать.

Как будут проходить его заседания в новом году и каковы условия приема в Клуб, редакция объявит особо.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

И зимой много добрых и полезных дел ждет вас в лесу. Подкормка птиц и четвероногих лесных великанов — лосей, изучение занимательной белой книги хвойных боров и кедровников, выходы в заснеженную чуткую тишину. На многие километры пролягут маршруты ваших зимних походов. Тут уж без лыж не обойтись. Такие высокие сугробы намел среди деревьев суровый зимник.

Только, отправляясь в долгий путь, помните о том, что иногда придется пересечь стальные магистрали. А тут уж необходимо соблюдать строгие правила.

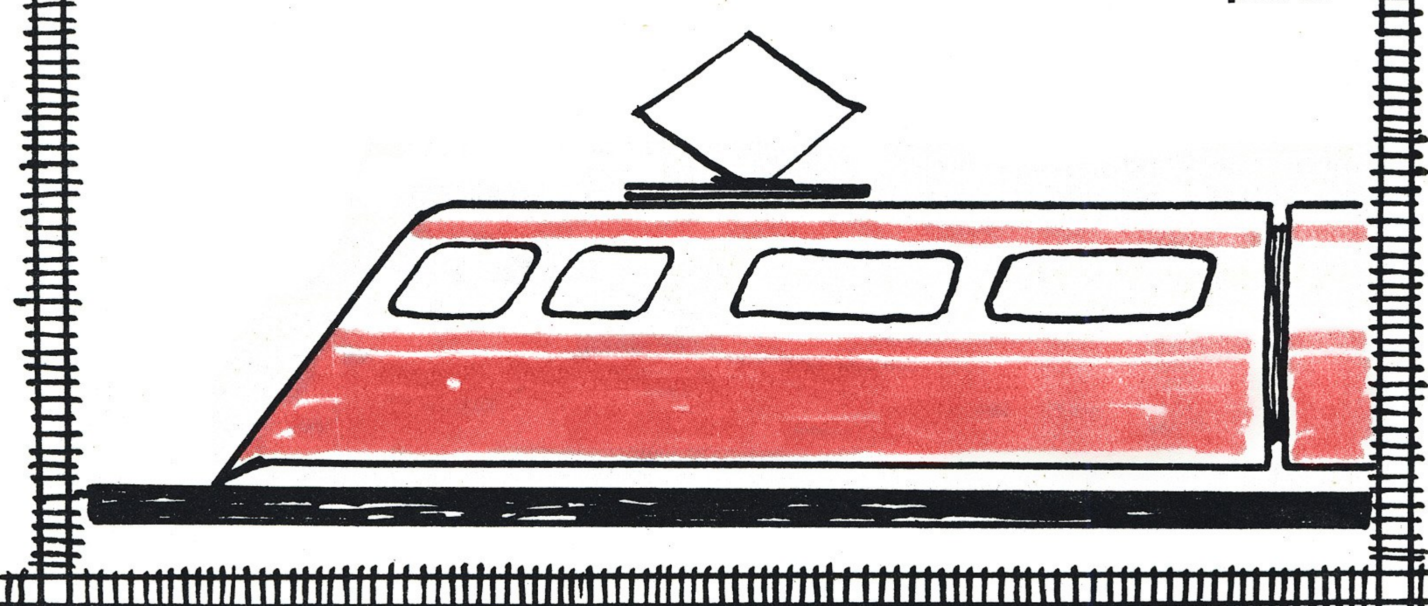
Пересекая железную дорогу, пользуйтесь только специально оборудованными переходами.

У шлагбаумов обязательно снимайте лыжи — малейшая заминка на путях ведет к несчастным случаям.

Тот, кто нарушает правила поведения вблизи железных дорог, может стать жертвой катастрофы.

Переходите через стальные магистрали по специальным тоннелям и мостам, а там, где их нет, — у шлагбаумов и в местах, оборудованных специальной сигнализацией.

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ПРИУЧЕНИЕ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ

Выбрав канаву до метра шириной, которую вы сами легко перепрыгнете, начинайте обучать собаку прыжкам. Держа собаку на коротком поводке рядом, разбегитесь с нею и, дав команду «Барьер!», перепрыгните канаву, увлекая собаку за собой. После прыжка поощряйте собаку лакомством, огладьте, похвалите ее. После нескольких совместных прыжков, когда собака хорошо освоится с упражнением и запомнит команду «Барьер!», вместе с ней не прыгайте. Разбежавшись, остановитесь перед препятствием, предоставив собаке прыгнуть одной, сами обойдите канаву с правой стороны и успейте дать собаке лакомство, чтобы она не перепрыгнула обратно, навстречу вам.

Постепенно увеличивайте длину прыжка, то есть ширину канавы. Собака выполняет его на удлиненном поводке, затем снимается и он.

Нужно очень внимательно следить за положением поводка, чтобы он не мешал собаке прыгать и не наносил случайных рывков. Рывок поводком применяйте в том случае, если собака попробует обежать препятствие или пролезть сквозь него.

К прыжкам через изгородь и забор собака приучается в такой же последовательности. Первоначальная высота препятствия не должна превышать 50 сантиметров, в дальнейшем она увеличивается до двух метров. Увеличение высоты должно происходить медленно и постепенно. Собака уже не преодолевает их с ходу, а перед препятствием усаживается и ждет команды на прыжок. Чем выше забор, тем дальше от него нужно посадить собаку, чтобы она имела запас расстояния для разбега перед прыжком.

ЛАЗАНИЕ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Для начала обучения используйте лестницу с широкими ступенями. Остановитесь в пяти-десяти шагах перед ней, держа собаку на коротком поводке, с ходу поднимайтесь по лестнице. Перед первой ступенькой дайте команду «Вперед!». Если собака проявит неуверенность или беспокойство, поощряйте ее лакомством, огладьте, успокойте и продолжайте движение вверх. Дойдя до площадки, дайте возможность собаке оглядеться, отдохнуть и успокоиться. Спуск с лестницы начинайте раньше собаки, лицом к ней, поощряя ее движения подзывом «Ко мне!» и оглаживанием. Предупреждайте возможную попытку собаки спрыгнуть и одновременно поправляйте возможные неправильные движения. Вниз собака должна пройти все ступени, не спрыгивая сразу с нескольких последних. Постепенно при подъеме отставайте от собаки, пусть она движется вперед самостоятельно. Лакомством она поощряется только на верхней площадке за подъем и внизу после спуска. Постепенно прием усложняется использованием для тренировок лестницы с узкими ступенями (чердачного типа), стоящими под разным углом. На площадке собаку следует заставлять садиться, ложиться, стоять с выдержкой в каждом из положений и изменять положение по команде снизу. На лестницу посылайте собаку без поводка. Таким же образом собака обучается переходу по доске или бревну. По бревну вы сами не проходите, а проводите по нему собаку, лишь поддерживая ее снизу под грудь. Все препятствия обходите с правой стороны, так чтобы собака была слева от вас. Команда для движения по бревну и доске — «Вперед!».

ПРИУЧЕНИЕ К ПЛАВАНИЮ

Приучать собаку к воде и плаванию нужно начинать в летние жаркие дни. Выберите мелкий, чистый водоем с пологими берегами. Оставьте собаку на берегу, зайдите в воду и подзовите собаку к себе. Если собака смело войдет в воду и поплывет к вам, поощрите ее знакомым восклицанием «Хорошо!». Подплывшую собаку огладьте и вернитесь с ней на берег.

Если собака сразу побоится плыть, начинайте подзыв поближе к берегу и, отступая, увлекайте ее на более глубокое место, пока она не поплывет. Имейте в виду — собаки в воде часто царапают хозяина когтями, как бы стремясь поставить на него лапы. Постарайтесь держаться от нее на некотором расстоянии. Когда собака привыкнет к воде и научится хорошо плавать, оставьте ее на берегу, переплывите водоем сами и с противоположного берега подзовите собаку. Едва она выйдет на ваш берег, поощрите ее и

побегайте с ней, чтобы она усиленно подвигалась.

ПОМНИТЕ

1. Во время еды не разрешайте собаке сидеть возле стола и провожать жадным взглядом каждый кусок, который вы кладете себе в рот. Не давайте ей подачек со стола.

2. Не дразните собаку, отнимая у нее корм. Приучайте ее спокойно относиться к тому, что вы берете ее кормушку даже во время еды.

3. Не наказывайте собаку за проступок, совершенный в ваше отсутствие. Собака не поймет причины наказания, будет бояться вашего прихода, но будет продолжать шкодить.

4. Если вы случайно причинили собаке боль, немедленно отвлеките ее игрой, лакомством.

5. Стремясь развить злобу у своей собаки, никогда не натравливайте ее на членов семьи.

Д. ВОЛКАЦ

ЖЕМЧУГА ТРИХОГАСТЕРОВ

Несколько лет назад встретил я в зоомагазине приятеля, заядлого аквариумиста. Он прятал в карман банку с рыбами.

Это было странно, потому что тот же приятель покупал тех же жемчужных гурами неделю назад. И еще две недели назад, и три тоже.

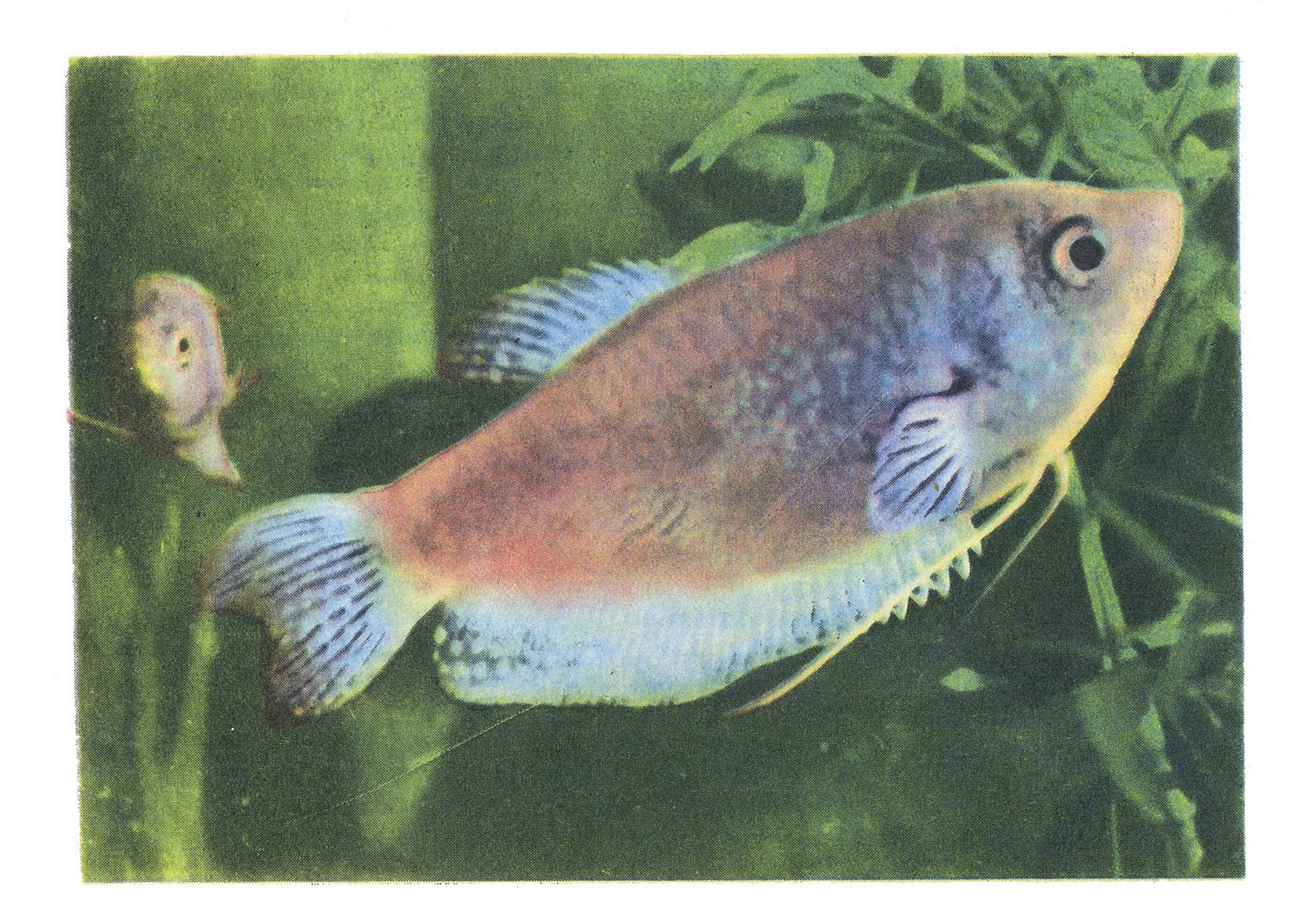
— А у нас с ними дело пошло всерьез: кто кого, — объяснил он. — Я их покупаю, а они дохнут, я снова покупаю, а они снова...

Так было не только с моим приятелем, так было и со мной и со многими московскими аквариумистами.

Точно жемчужные россыпи, серебристо поблескивали бока рыб, а брюшко у самцов было оранжево-алое, каким иногда на закате бывает небо. Мудрено ли, что рыбы влекли нас к себе? Но редко-редко в каком аквариуме они уживались. Это было тем более странно, что другие представители того же рода трихогастеров — пятнистые и голубые — жили и множились.

Трихогастеров у нас называют гурами. Это неправильно, так как гурами совсем другие, огромные рыбы. Но ошибка эта возникла очень давно, и слово «гурами» так к рыбам прилипло, что очень мягко, приятно звучит.

Пятнистые и голубые гурами — сородичи нашего трихогастера — красивы и милы, пока маленькие. Родятся они тысячами и наполняют тысячи ребячьих аквариумов. Веселые и озорные, неприхотливые до крайности, неразборчивые на пищу — только давай! — вот они какие, сородичи...

Голубой гурами.

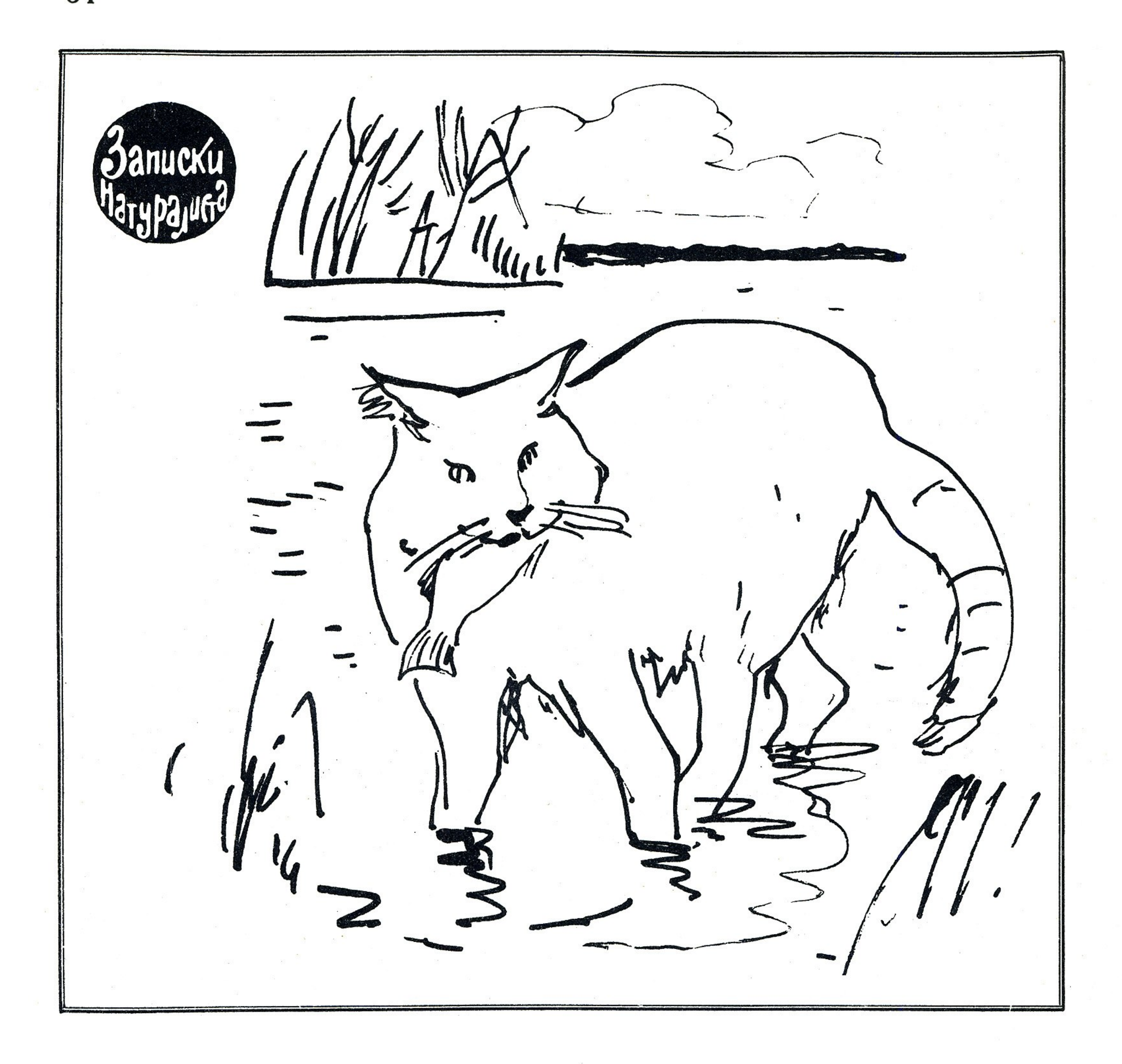
Жемчужный гурами.

Но трихогастер леери — гурами жемчужный как бы задался целью опровергнуть все, что мы знали до этого о трихогастерах. Смолоду он некрасив — черная полоска вдоль серого тела и никаких жемчугов. Рыбу нужно растить добрый год, чтобы жемчуга обнаружились. Это не просто, особенно если рыба так и норовит отправиться на тот свет...

Однако сложности в прошлом. Рыбы привыкли к Москве, московские аквариумисты — к рыбам. Ларчик открылся довольно просто: жемчужные гурами больше, чем их родственники, нуждаются в старой, стоялой воде. Такую воду нехитро сделать из обычной водопроводной, добавив торфяного настоя. А еще лучше водопроводную воду развести дождевой или дистиллированной, а уж потом торфовать.

Есть и еще одна хитрость. Эти рыбы мягких червей — энхир и трубочников едят лучше, чем более жесткий мотыль, а мягких красных дафний лучше, чем жестких серых. Посади гурами в подходящую воду и правильно корми их — вот и все секреты.

Ф. ПОЛКАНОВ

КОШКА-РЫБОЛОВ

Удил я как-то утром рыбу на небольшом озере в Кимрском районе Калининской области. Зорька была хорошая, но рыба не клевала — и все. Воткнул от скуки удочки и пошел поискать новое местечко для ужения. Иду вдоль берега и вижу: в невысокой осоке, на мелководье, осторожно крадется большая, пестрая, лохматая, по виду сибирская кошка.

«Неужели рыбу ловит?» — и глазам своим не верю. Закрыл их на мгновение и снова открыл — кошка! Пушистая такая, здоровущая, сытая, красивая...

— Кис-кис-кис!

Она — ноль внимания на меня и по-прежнему крадется вперед. И вдруг поджала уши, взвилась вверх над водой — и прыг! Смотрю, тут же выскочила на прибрежную отмель с большой рыбиной в зубах.

Вот это да! Вот это рыбак! Однако все же на мгновение усомнился:

«Может, это не домашняя кошка совсем, а какая-то ее дикая разновидность?»

— Кис-кис-кис!

Завидев меня, она быстро побежала вместе с пойманной рыбой. Миг — и исчезла под кустиками ветел. Подошел я к ветлам, она фыркнула, ощетинилась и, злобно заурчав, отбежала с рыбиной в сторону. И вижу вдруг: в тени под одним кустом, на чистом песочке лежат еще рыбины: две плотвички и порядочный карась. Ну и запасливая же!

Вернувшись с озера, я рассказал об этом жителю деревни Сергею Комлеву, хозяину дома, у которого временно остановился. Думал, удивлю, но в ответ он только улыбнулся:

— Эка невидаль! Ну и пусть ловит себе на здоровье! Жирнее будет!

— Но кошки-то хоть и любят рыбу, но воды, как правило, боятся и плавать не умеют! — сказал я.

— Это верно, — согласился он, — но нет правила без исключений. Кошка, которую ты видел, и есть исключение из этих правил.

«Разыгрывает! — подумал я. — Кошки все-таки сухопутные создания и рыбу не ловят!»

Однако я был не прав: Комлев говорил такую же чистую правду, как и то, что я видел своими глазами на озере. Оказывается, в природе действительно есть кошки, умеющие ловить рыбу и плавать. Это один из подвидов ангорских кошек. Видимо, встреченная мною кошка и была прямым далеким потомком такой разновидности кошек, давным-давно завезенных издалека в нашу страну и сохранивших в поколениях свой природный инстинкт.

И. РАКИТИН

ТЕСНОЕ ГНЕЗДО

Много любопытного и удивительного удалось подметить мне при наблюдениях за одной воробьиной семьей, проживающей на балконе третьего этажа нашей квартиры у юго-восточной окраины Москвы.

Поздней осенью, прячась от наступивших холодов, здесь поселился одинокий воробей-самец. В марте близ места его зимних ночевок был установлен небольшой птичий домик, не занятый ранее скворцами. Это вскоре привлекло к нашему воробью быструю и очень осторожную подругу.

Дружная пара быстро приступила к устройству гнезда. Но... не в скворечнике, которого воробьи, по-видимому, еще побаивались, а в том самом месте на балконе, где коротал долгие зимние ночи наш когда-то одинокий воробей. Уже в начале мая из гнезда стал доноситься усиливающийся с каждым днем писк. Когда слабый писк превратился в уверенное чириканье и наступило время вылета птенцов, самец, казалось, куда-то исчез, и кормлением детей занималась одна мать. У гнезда он появился лишь после того, когда оно совсем опустело.

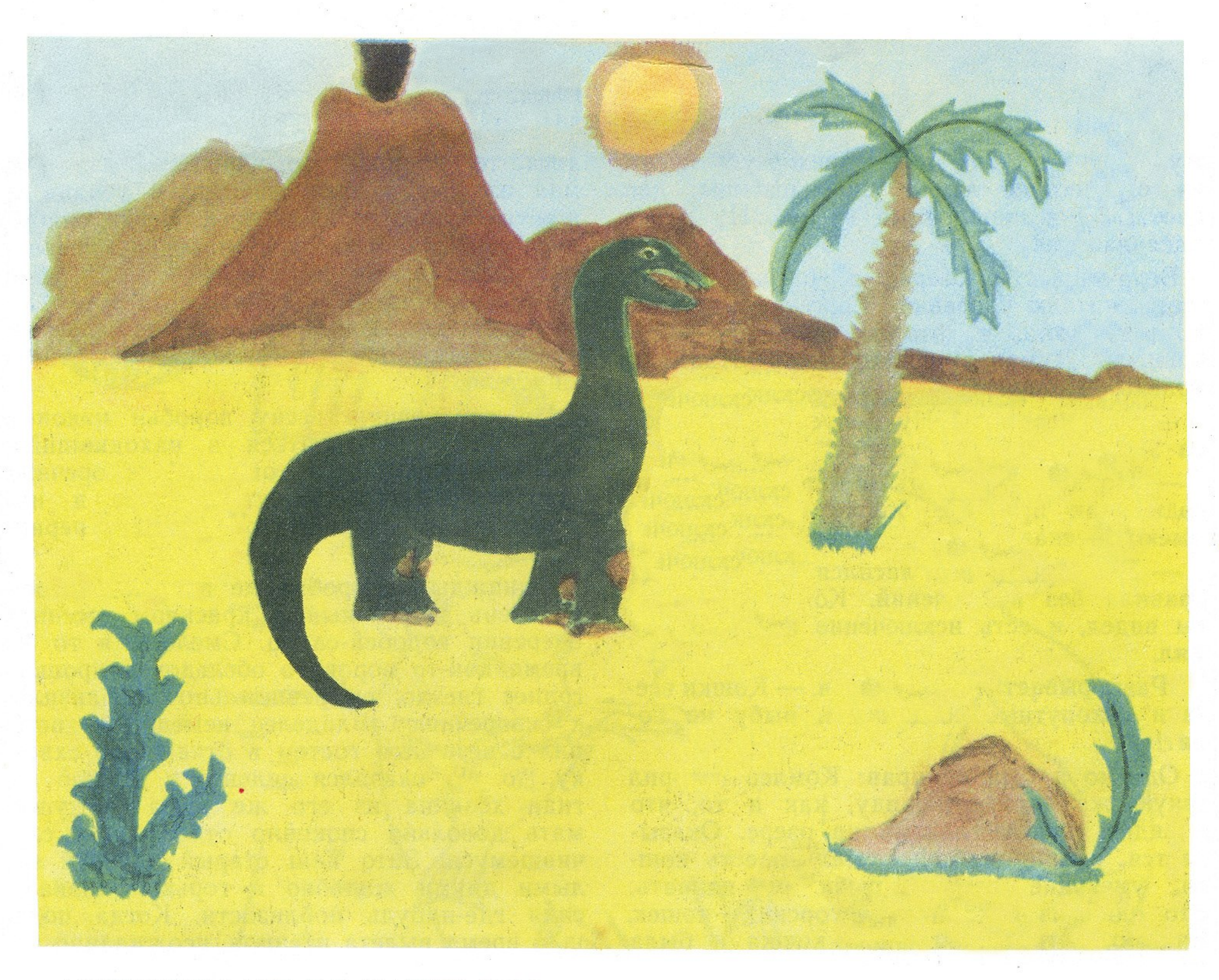
На следующую весну воробьи наконец-то решили переселиться в находившийся рядом и все еще пустовавший скворечник. Дружно и очень быстро свили в нем гнездо, и самка отложила первые яички.

Однажды в воробьиные владения вторгся очень энергичный, в красивом весеннем оперении воробей-самец. Смело и в то же время как-то воровато обследовав прошлогоднее гнездо, он решительно приблизился к скворечнику. Владелец немедленно вступил с незваным гостем в отчаянную схватку, но тот оказался сильнее и быстро изгнал хозяина из его же дома. Будущая мать довольно спокойно отнеслась к случившемуся. Зато наш старый воробей целыми днями жалобно и горько «плакал», сидя где-нибудь поблизости. Когда подошло время вылета птенцов, неожиданно появившийся пришелец так же поспешно исчез. Настоящий отец тотчас вернулся к своей семье, и его прежнее спокойствие восстановилось.

Весна и лето нынешнего года у наших трудолюбивых воробьев оказались весьма печальными. К встрече нового потомства они стали готовиться, как всегда, с начала апреля, не проявив, однако, прежней предусмотрительности и допустив один серьезный просчет. Дело в том, что многократно подновлявшееся раньше гнездо постепенно наслаивалось кверху, достигло уровня летка скворечника и стало очень тесным. Подросшие, но еще не умеющие летать птенцы выпадали из него и гибли, ударяясь о землю. Оставшиеся в живых были очень слабыми, с плохим оперением и, едва вылетев, становились легкой добычей промышлявших поблизости кошек. Так полностью погиб весь первый выводок.

Старые же воробьи-родители после короткой растерянности с небывалой поспешностью взялись за очередной ремонт гнезда, делая его еще более тесным. К концу июня они вторично вырастили таких же слабых птенцов, из которых уцелел только один. С ним-то и улетела куда-то заботливая мать, а воробей-отец возле скворечника тоскливо чирикал в течение всего длинного летнего дня. То ли он по-прежнему оберегал свое жилище, то ли по-своему переживал случившееся.

А. ПРЯХИН

«МИЛЛИОНЫ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ» — **Андрей Теребилин**, Москва

НАШИ ОБЛОЖКИ:

Обычно пугливые белки зимой тянутся ближе к человеческому жилью. А иногда в парке они с удовольствием спускаются на снег, чтобы полакомиться орехами.

Зимний лес как белая книга. О многом расскажут ее снежные страницы, на которых заметен каждый след.

Фотографии, которые видите вы на первой и четвертой страницах обложки, прислал в редакцию Р. Воронов.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **Д. А. Тюрин**
Технический редактор **Р. Г. Грачева**

Сдано в набор 3/X 1969 г. Подп. к печ. 30/X 1969 г. А01226. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 500 000 экз. Заказ 2028. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ЛАСТОЧКИ» — **В. Рокитский,** г. Фастов

Письма, письма... Каждый день приносил их почтальон в редакцию с короткой надписью на конверте: «Родник».

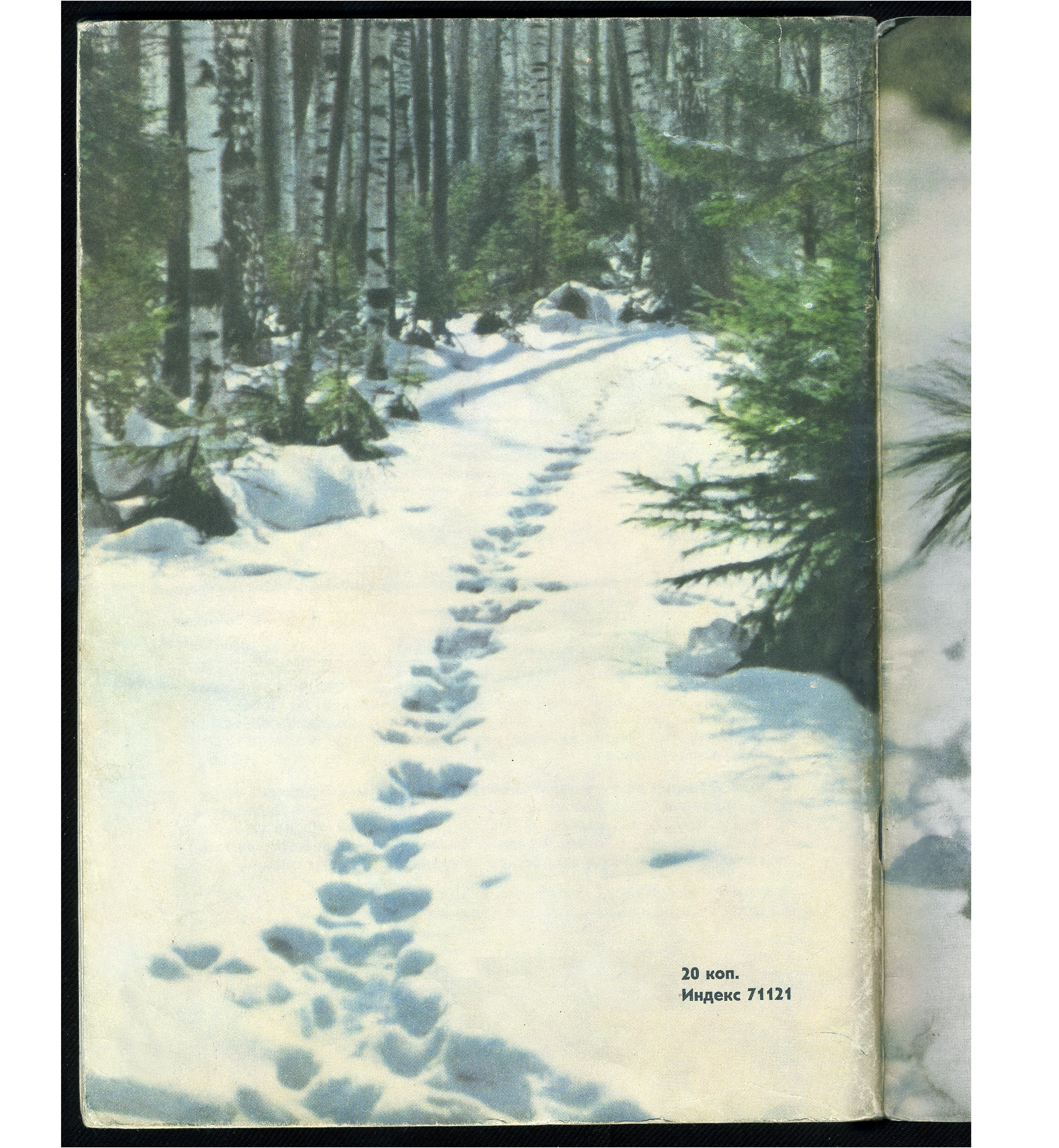
Юные авторы присылали на конкурс рассказы, стихи, фотографии и рисунки. Сегодня жюри объявляет свое решение.

Итак, премии получили:

Сережа Дорогин за рисунок «Березовая роща», Лена Будовская за рисунок «Медведь», Лена Близнина за рисунок «Дятел», Таня Силаева за стихи «Для чего нам солнце», Миша Гайдаш за стихи «С добрым утром», Рая Дворцова за стихи «Море», Саша Чижик за рассказ «Шарик и Белянок», Валя Казакова за рассказ «Неудачное знакомство».

Редакция поздравляет победителей конкурса «Родник» и ждет от юных авторов новых писем. Конкурс продолжается.

20 коп.
Индекс 71121